

ЭТО НАСТОЯЩАЯ КОСМИЧЕСКАЯ ОПЕРА,
ПОЛНАЯ НЕИЗВЕСТНОСТИ И ТАЙНЫ.

Barnes&NobleSFF.com

ГАРЕТ Л. ПАУЭЛЛ

СВЕТ
НЕВОЗМОЖНЫХ ЗВЕЗД

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

Звёзды новой фантастики

Гарет Пауэлл

Свет невозможных звезд

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Пауэлл Г. Л.

Свет невозможных звезд / Г. Л. Пауэлл — «Азбука-Аттикус»,
2020 — (Звёзды новой фантастики)

ISBN 978-5-389-19842-5

«Как быть, когда кончается твой мир? Кого пытаться спасти? Где искать убежища?» Эти вопросы задает себе капитан «Злой Собаки», разумного космического крейсера, который пытается уйти от погони. У него на хвосте – непобедимый Кинжальный флот, стремящийся уничтожить все корабли человечества, а топливо почти на исходе. Согласно плану, «Злая Собака» должна дотянуть до Интрузии, области космоса с неизученными, таинственными свойствами, благодаря чему Кинжальный флот и драконоподобные твари из гипера обходят эти места стороной. Есть надежда, что там безопасно – насколько это возможно в нестабильной реальности. Но можно ли назвать реальным то, с чем придется столкнуться команде «Собаки»?.. Захватывающее завершение космической трилогии! Впервые на русском! В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-19842-5

© Пауэлл Г. Л., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Первый пролог	6
Второй пролог	7
Часть первая	13
1	13
2	26
Часть вторая	38
3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Гарет Л. Пауэлл

Свет невозможных звезд

Посвящается Кэт и Александру

*Зачем же ты покинул торный путь,
Мой нежный сын, в своей мятежной вере
Осмелившись до срока посягнуть
На змея ненасытного в пещере?!*
Перси Биши Шелли. Адонаис

Gareth L. Powell
LIGHT OF IMPOSSIBLE STARS

Copyright ©2020 by Gareth L. Powell

This edition is published by arrangement with Conville & Walsh UK and Synopsis Literary
Agency
All rights reserved

© Г. В. Соловьева, перевод, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Первый пролог Злая Собака

– Ну и в чем же цель игры? – спросила я.

– В победе, – улыбнулся Адалвольф.

Мы сидели в виртуальном антураже – в зале Версальского дворца. За высокими окнами раскинулся нарядный сад. В чистом солнечном сиянии блистали фонтаны. Адалвольф облачил свою аватару в темный шелк. Из рукавов торчали костлявые запястья. Я ограничилась предустановленным вариантом: лохматая, андрогинного облика женщина в потертой шинели. На столике перед нами лежала мраморная шахматная доска.

– И что надо сделать для победы? – уточнила я.

– Захватить короля противника.

– Это который высокий?

– Да.

– И всего-то?

– В сущности, да.

– А эти лошадки?

– Кони, – усмехнулся Адалвольф.

– Ага, они мне нравятся, – кивнула я, склонившись над доской, и тронула фигурку в первом ряду. – А это пехота?

– Пешки.

– А вот эти, каплевидные?

– Офицеры.

– Понятно.

– Готова играть?

– Думаю, да. Чей ход первый?

Адалвольф протянул худую руку, выдернул из заднего ряда коня, перенес его через строй пешек и поставил на избранный квадрат.

Я озадаченно нахмурила лоб.

– Что такое? – вздохнул Адалвольф.

– Вот это – твой ход?

– Классический гамбит.

– По-моему, он мало что дает.

– Ты, стало быть, можешь лучше?

– Конечно.

Я откинулась в кресле, хрустнула суставами сцепленных на затылке пальцев, уперлась ногами в пол и подмигнула ему:

– Смотри.

Рванувшись вперед, я правой рукой сжала горло Адалвольфа. Он подался от меня, и тогда моя левая метнулась к столу. Когда последняя мраморная фигурка стукнулась о пол, я уже стояла коленями на груди соперника, торжествующе вздымая в кулаке его короля.

– Я победила.

Адалвольф закашлялся и потер покрасневшую шею.

– Ты и правда ничего не понимаешь в шахматах.

– Наоборот, – фыркнула я, вставая на ноги, и разжала пальцы; фигурка с глухим стуком отскочила от его ребер и покатилась по полу. – Это ты ничего не понимаешь в тактике.

Второй пролог Сал Констанц

– А теперь?

– Увы, все равно расплывается. – Аватара «Злой Собаки» нахмурилась с экрана и поджала губы. – Погоди...

– Что-то видишь?

– Да, – сказала она, – начинаю разбирать. Но это всего лишь звезды.

– У меня на экране тоже только они.

Мы зависли в пустоте в трех световых годах от ближайшей звездной системы. Брат «Злой Собаки» «Адалвольф» был в нескольких десятках километров от нас по правому борту.

– А в ультрафиолете и инфракрасном?

– Извини, – пожала я плечами. – Боюсь, у нас только старый скучный «видимый спектр».

– Как вы, люди, умудряетесь?

– Что именно?

– Что-то находить, – воздела руки аватара. – Вы же наполовину слепые!

Я потрогала повязку, с недавних пор закрывающую пустую глазницу на месте моего правого глаза, и сказала:

– Про полуслепых мне не напоминай.

Она смутилась:

– Прошу прощения, капитан. Это было бестактно. Я высоко ценю твою жертву. Просто мне нужно время, чтобы привыкнуть к настоящему органическому глазу. Я таким никогда не смотрела.

– Выжимай из него все возможное, – посоветовала я, – потому что другого ты от меня не дождешься.

Мы уже две недели отдыхали и приходили в себя посреди галактической пустыни – с тех пор, как нас вытеснили из человеческого космоса. Нод с тринадцатью отпрысками вместе с механизмами авторемонта приводил корабль в порядок для продолжения полета, а мы все эти две недели обсуждали, куда теперь податься. Для изгнанников из родного дома, укрывшихся на чужой территории, от выбора пункта назначения, вероятно, зависели шансы на выживание.

«Злая Собака» обратила внимание на мое лицо.

– Ты жалеешь, что отдала мне глаз?

Мои пальцы снова коснулись повязки. Я еще не привыкла к ополовиненному полю зрения и потому набивала синяки о столы и стулья.

– Я не в восторге, – призналась я. – Но не жалею. А задумалась о другом.

– О чем?

– О топливе.

И «Злая Собака» и «Адалвольф» почти израсходовали топливные стержни.

– Если в порту прибытия не найдем замены, нам труба.

При наличии сырья и шаблонов корабельные принтеры производили пищу, медицинские препараты и снаряды. Если хватало времени, могли отпечатать даже торпеды с ядерными боеголовками. А вот топливные стержни – другое дело, слишком тонкое, сложное и нестабильное, чтобы штамповать их даже на самых современных принтерах человечества. Стержни изготавливали на специальных фабриках. У военных, разумеется, имелись собственные предприятия, а гражданским судам приходилось совершать закупки у лицензированных торговцев в космопортах – что позволяло корпорациям держать межзвездный рынок мертвой хваткой.

Аватара «Собаки» покачала головой.

– Труба мне, – поправила она меня. – Вам-то ничего. Это я буду обсыхать на берегу, а вы найдете себе транспорт и двинете дальше.

– Я тебя не брошу.

– Может быть, придется.

– Этого не будет, – возразила я, дернув козырек старой бейсболки, плотно сидевшей на голове.

Я родилась и выросла среди Внешних, в той фракции человеческой Общности, которая имела самые тесные связи со Множественностью иных рас. На наш язык и обычаи влияли десятки нечеловеческих культур. Благодаря взаимовыгодным торговым соглашениям у Внешних никто не голодал и не оставался без крова, зато и личным богатством никто не мог похвастаться. Наше общество не одобряло приобретений ради приобретений. Ресурсы у нас распределялись самым справедливым и эффективным образом. Мотовство и излишества, погубившие в конце концов родину человечества, не допускались ни на кораблях, ни на планетах. Некоторые из нас обитали на поверхности заселенных миров, другие предпочитали странствовать. Такие жили на орбитальных станциях или на огромных межзвездных лайнерах вроде «Хейст ван Амстердам». Мы считали, что идеально приспособились к новому месту человечества в космосе. Однако наши возвышенные идеи привели лишь к катастрофическому конфликту с величайшей фракцией Общности – Конгломератом. А жажда открытий и путешествий обернулась зовом сирен, принесшим гибель моим родителям и заманившим вдаль любовь всей моей жизни. И теперь я, хоть и воспитывалась в почтении к духу перемен, скорей лопнула бы, чем покинула «Злую Собаку», как другие покидали меня.

Она улыбнулась:

– Капитан, я надеялась, что ты так скажешь.

Ядро ее мозга вырастили из человеческих стволовых клеток, но присутствовали в ней и ДНК псовых, обеспечивавшие преданность стае. Когда-то это понятие включало для нее весь флот Конгломерата, а теперь съежилось до меня, нашего медика Престона Мендереса, механика-драффа Нода, с его малютками-отпрысками, и «Адалвольфа». Остальные, кто был дорог ей – и мне, – погибли или пропали в пути.

– Как наши пассажиры? – спросила я.

Аватара выразительно пожала плечами:

– Спариваются.

Мы спасли Джонни Шульца и Рили Эддисон после крушения их судна, разбившегося о колониетский корабль древнего Нимтока. Последние четырнадцать суток они почти не показывались из одной на двоих каюты, разбираясь в своих новых отношениях и в то же время избывая ужас от потери команды. Их потребность пережить горе «Злая Собака» понимала с трудом. В чем-то она бывала поразительно чуткой, но ее запрограммировали держать свои чувства под спудом и действовать независимо от них. Для тяжелого крейсера, участника жестоких межзвездных войн, нежелательны ни горе, ни посттравматические расстройства.

Эддисон и Шульц привели с собой девочку. В человеческом теле та несла воспоминания и личность погибшего корабля «Душа Люси» и чуждое для нас сознание тысячелетнего нимтокского судна, чье имя переводилось как «Неуемный зуд по чужим землям». Мы звали ее попросту Люси. Она в последние дни много общалась со «Злой Собакой», встречалась с ней в виртуальной реальности, беседовала, как корабль с кораблем.

– А что у нас с продовольствием? – поинтересовалась я.

– Принтеры рассчитаны на обеспечение трехсот человек в продолжительных рейсах. Нам, даже без замкнутого цикла органических отходов, этого хватило бы на десятилетия.

– Значит, недостает только топлива?

– Подтверждаю.

Странно видеть, как рутинный распорядок на корабле держится даже перед лицом неизбежной катастрофы. Драффы продолжали снимать и заменять изношенные детали, прочищать засоренные водопроводы и заниматься тысячей других необходимых мелочей, позволявших жить и передвигаться на «Злой Собаке». Престон Мендерес по-прежнему учился, знакомился с оборудованием и процедурами, которые должен знать корабельный медик. Из всех нас одной мне почти нечего было делать. В высших измерениях «Собака» справлялась без меня. Правда, я занималась проверками и чек-листами, но, скорее, для того, чтобы отвлечься от навязчивой тревоги.

Из всех систем стекались ручейки сообщений, ветры гиперпространства доносили нам сигналы. Корабли Кинжального флота повсюду коршунами налетали на военные и гражданские суда, не разбирая между ними различий. Кое-где Общность делала попытки отбиться, но силы ее были неравномерно распределены между фракциями, привычными больше к перестрелкам, чем к взаимопомощи. Несколько состоявшихся сражений оказались короткими и безжалостными, и все закончилось победой Кинжального флота. В стычках погибла или пострадала малая горстка его кораблей, а такие мелкие потери не могли повлиять на неизбежную развязку. Он превосходил объединенные флоты человечества на порядки величины – этого хватало, чтобы решительно подавить любые попытки сопротивления и моровой язвой распространиться по космосу.

Сердце разрывалось от сигналов бедствия: мужчины, женщины, а порой и дети разных наций и государственной принадлежности безнадежно зывали к пустоте из разбитых Кинжальным флотом кораблей. Молили о спасении, о помощи, которой я не в силах была им дать.

– Лучше бы ты не слушала, – сказала «Злая Собака», – только зря расстраиваешься.

Она нашла меня в каюте, ее изображение проступило в зеркале над раковиной. Я сидела на койке, привалившись спиной к переборке и заслонившись надвинутым козырьком бейсболки от верхнего света.

– Не могу перестать.

– Они слишком далеко. Ничего не поделаешь.

– Знаю. Но должен же кто-то слушать. Кто-то должен остаться свидетелем.

– Обязательно ты?

Я пожала плечами:

– А есть кто-то еще?

Она молча наблюдала, как я одну за другой зажигаю церковные свечи на полке около койки. От фитильков поднимался сандаловый дым. У меня стояли две свечи за родителей, одна за Джорджа и одна за Седжа. В последние годы я завела обычай зажигать их перед сном и бормотать короткую молитву за любимых людей, которых потеряла. Недавно я добавила пятую свечу из своих запасов. За Альву Клэй, мою сестру по оружию. Она в войне Архипелага служила в пехоте, ползала по джунглям Пелапатарна. Сколько убила человек, знала она одна. Но после войны Альва вступила в Дом Возврата и стала членом моей команды. Какое бы участие она ни принимала в прошлом насилии, какой бы несносной и строптивой ни бывала временами, она погибла, спасая других, и такой я запомнила ее навсегда.

Ровно горели огоньки. Их свет и тепло омывали мне щеки. Я вспоминала тот последний раз, когда видела живыми родителей. Представляла Седжа, замороженного в ящике, падающем в сторону Андромеды. И думала о словах, которые услышала от Клэй перед выходом в спасательную экспедицию к «Душе Люси».

«Все мы от чего-то бежим. Таким, Сал, как ты и я, нигде нет места. Где бы мы ни были, мы всегда одним глазом косим на выход, одной ногой за дверь. Мы как акулы. Нам надо все время двигаться, чтобы не задохнуться».

Муж и маленькая дочь Альвы погибли в первые дни войны, и с тех пор боль утраты преследовала ее. Я надеялась, что теперь ее душа наконец обрела покой.

– Я люблю всех вас, – прошептала я сквозь танцующие языки пламени. – Люблю и скучаю. Мне так вас не хватает!

Полночь застала меня в грузовом трюме «Злой Собаки», где я свернулась под одеялами из фольги на дне надувного круглого плотика, с палаткой для укрытия. Стоило застегнуть ее молнию, как оказываешься в темной пещерке. Отблески аварийного маячка, вращающегося на крыше, напоминали блики от костра, холодный воздух, проникающий из трюма, ощущался как ледяные касания тундры темной полярной ночью, и во всем этом был какой-то первобытный уют.

Я еще и прихватила бутылку денебского джина из камбузных запасов, полагая, что алкоголь размоет горе и смятение и подарит мне несколько драгоценных часов сна. Всё рушилось, и все – гражданские корабли, Нод, Престон, трое пассажиров и даже «Адалвольф» – ждали от меня указаний, что делать. Беда в том, что я сама понятия не имела. Как быть, когда кончается твой мир? Кого пытаться спасти? Где искать убежища? Мы составили подобие плана: добраться до области, называемой Интрузия, – туда, где червоточина проткнула ткань вселенной, а законы нашей природы кое-как сосуществовали с законами другого континуума. Места эти были опасно нестабильными, но мы нацелились на них, потому что, согласно данным от перебежчика Алексея Бошняка, белые корабли Кинжального флота, как и драконоподобные твари, атаковавшие «Душу Люси», обходили их седьмой дорогой, словно страшась тамошних хаотических отклонений. Возможно, это было как-то связано с их создателями – расой очажников, которые основали Интрузию, чтобы бежать из нашего мира, поскольку перевернутые законы физики грозили опрокинуть и их могущество. Так или иначе, я надеялась, что там будет безопасно – насколько это возможно в нестабильной, судорожно содрогающейся реальности.

Я скорее ощутила, чем услышала фоновое шипение общей системы связи. Затем трюм наполнили лязгающие аккорды старинной гитары.

– Какого черта? – приподнявшись, рявкнула я.

Музыка стала чуть тише, и «Злая Собака» пояснила:

– Я изучала безнадежные войны. Эта мелодия, по-видимому, была очень популярна во время войны во Вьетнаме.

– Вьетнам?

– Эта страна располагалась напротив тихоокеанского побережья Соединенных Штатов Америки.

– И чем это нам поможет?

– Мне подумалось, что эта музыка придаст нашей беде некоторую атмосферность. Ее написал человек по имени Хендрикс. – Аватара проявилась на маленьком гибком экране на внутренней стене палатки. – Могу предложить на выбор либо это, либо какой-то «Полет валькирий».

– Впервые слышу.

– Ну откуда бы тебе знать?

– Тогда, с твоего позволения, нельзя ли мне поспать?

«Злая Собака» смерила меня взглядом и вроде бы только теперь заметила, как я измучена.

– Конечно, – сказала она, и музыка совсем затихла. – Извини.

Я потеряла повязку на лице. Глазница болела так сильно, что я задумалась, существует ли нечто вроде «синдрома фантомного глаза». И мне вдруг больше всего на свете захотелось скрыть свое увечье от мира. Я свернулась в позе зародыша на дне плотика и натянула одеяло на голову.

На камбузе я нашла Престона и от него узнала, что Джонни Шульц с Рили Эддисон перебрались на «Адалвольф».

– Им нужно одиночество, чтобы примириться с гибелью экипажа, – сказал он. – Трех отпрысков Нода они взяли с собой.

Это было к лучшему. «Адалвольф» со времени своего заключения на орбите Камроз обходился без механика, а кораблям не положено летать без команды. Мне еще раньше надо было догадаться послать на него трех маленьких драффов – я бы и догадалась, если бы не отвлеклась на созерцание гибели человечества. Малыши сумеют поддержать системы судна в рабочем состоянии и справятся с закравшимися ошибками или неполадками.

– А Люси?

– Джонни звал ее с собой, но в последний раз я видел ее в каюте. По-моему, они с «Адалвольфом» не поладили.

Он держал в руке чашку протеинового супа, а оранжевый костюм медика был помятым, словно Престон в нем спал.

– Как у тебя дела? – спросила я.

Он вздохнул.

– Все никак не могу поверить, понимаете?

Не стоило переспрашивать, о чем он говорит. Все мы смотрели, как гибнет человеческая цивилизация. У всех нас там, на линиях фронта, остались друзья и коллеги – и как знать, может, их уже не было в живых. Знакомые нам планеты задыхались без помощи извне. Разрушались биосферы. Сохли посевы. Рвались пищевые цепочки, умирали люди. И уж конечно, нашлись авантюристы, вопреки очевидности решившие, что сейчас самое время урвать себе власть или территории. На пути Мраморной армады вспыхивали и гасли напрасные войны и революции. Снаряды дырявили хрупкие жилые купола. Грибовидные облака вставали над возделанными тяжким трудом полями. Целые сообщества рвали друг друга в клочья из-за чего-то, что спустя несколько часов, с прибытием белых кораблей, обратится в ничто. А бойня все продолжалась. Она проникала в наши сновидения, лишала вкуса пищу, которую мы силком заталкивали в себя. Мы здесь были беспомощными зрителями, укрывшимися за границей исследованного людьми космоса и бессильными повлиять на апокалипсис, доходивший до нас стершимся, рваным шумом помех. Никакие наши слова или действия не спасли бы ни единой мечущейся в темноте души, но и отвести взглядов мы не могли. Эта катастрофа касалась нас наравне со всеми; все мы стали сегодня просто человеческими существами, прячущимися от непобедимой стихии – последнего бутылочного горлышка из множества катастроф, на протяжении тысячелетий пытавшихся уничтожить наш вид.

– Ты в порядке? – спросила я.

Престон не поднял глаз, только крепче сжал чашку.

– Наверное.

– Бояться нормально.

– Да не так уж я и боюсь. Просто все разваливается. И мы потеряли Альву. – Он врезал кулаком по столу. – Чувствую себя чертовски беспомощным!

Я всей душой ему сопереживала. Его слова повторяли мои мысли, а ведь парень был слишком молод, чтобы так много на себя взваливать. Но я, как старший по званию, не могла ограничиться жалостью. Я должна была его поддержать.

– Каждый делает все возможное.

– А мне кажется, что мало.

– Ты делаешь много.

– Это как?

– Ты – наш медик. – Я вынудила себя улыбнуться. – Твоими стараниями все здоровы и продолжают полет. А пока мы в пути, жива надежда.

Престон немного расслабился, поставил чашку.

– Об этом я не думал.

– Не хватайся за все сразу, – посоветовала я, положив ладонь ему на плечо. – У тебя есть дело на этом корабле. Сосредоточься пока на нем.

Он бледно улыбнулся:

– А потом?

– Как знать? – махнула я рукой, отгоняя тяжелые мысли. – Сейчас нам осталось полагаться только на себя.

В коридоре слышались шаркающие шаги. В камбуз ввалился Нод. У него под ногами шныряли, играя, двое детишек. Чешуя механика отливала перламутром, черные глазки искрились.

– Рассветное приветствие, капитан. Пусть лучи солнца согреют твою ветвь.

– Привет, Нод. Ты прекрасно выглядишь.

Одна ладонь-лицо обратилась ко мне, остальные крутились, пытаясь не выпустить малышей из поля зрения.

– Много работы, – сказал он. – Много времени с потомками.

– Ну, тебе это, похоже, на пользу.

Пальцы его сомкнулись, скрыв лицо, и снова разогнулись – словно цветок подмигнул. Нод был доволен.

– Принес список нужных запчастей, – сказал он. – Тех, которые нельзя распечатать на борту.

– Мы наверняка найдем все на следующей остановке.

– Большая просьба, капитан. Нужно много чего разыскать.

– Отлично.

Я встала и склонила козырек бейсболки – сначала в сторону Нода, потом к Престону. Уходя в рубку, я надеялась, что сумела внушить им уверенность, которой не чувствовала сама.

Часть первая

Четыре года назад

*Ибо ветер, проснувшийся среди звезд,
Воем в моей крови.
Уильям Батлер Йейтс. Ветер в камышах*

1

Корделия Па

– Смотри, корабль! – воскликнул, поежившись, Мишель Па.

Он остановился в слабом свете уличного шара и отбросил за плечо хвостик волос, глядя, как космический торговец разворачивает черные ажурные крылья, заходя на посадку. Я беспокойно потянула его за рукав грязной, заплатанной парки. Мы задержались в узком переулке, а время было позднее.

– Мики, идем, – торопила я, но он с тоской смотрел в небо, не желая двинуться с места.

Его заворожил корабль – по моему мнению, самый обычный образчик своего класса: солидные, индустриальные очертания корпуса плохо сочетались с хрупкостью широких, заряженных электричеством крыльев. Кто-то давным-давно разрисовал его корму желтыми полосами, а плоское, тронутое ржавчиной брюхо отражало свет портовых дуговых фонарей. Полосы придавали ему сходство с жирной осой, а в остальном торговец казался мне ничем не примечательным. Такие приходят и уходят каждый день.

– Как думаешь, откуда он? И куда идет, по-твоему? – спросил Мишель.

Щеки его разругались, дыхание в морозном воздухе белело паром.

Я не ответила. Мне это было до лампочки. Воздух облепил мой загривок холодным компрессом, да и место было не такое, чтобы торчать тут, особенно ночью. Я росла на окраинах этой огромной гулкой столицы и, как все здесь, наслушалась историй: о призраках и ловушках, о старателях, которые просто уходили в ночь – и никто их больше не видел.

Здания этого города опустели тысячу лет назад и существовали в вечной тьме. Их никогда не грело солнце, не поливал дождь. Небо над крышами и шпилями, как всегда, было обрызгано звездами, а между ними мерцали огоньки ближайших тарелок.

Сама я жила только на двух из двадцати тарелок, но все названия знала наизусть: Ночной город, Альфа, Вторая лачужная... В ясные ночи я различала их по месту на небе и взаимному расположению. И еще по тихому голосу, который слышала, глядя на них, – кажется, этот голос бормотал для меня одной. Сейчас над снижавшимся кораблем я рассмотрела Призрачный замок, Первую верфь и яркие солнечные фонари Третьей фермы – последняя была так близко, что на фоне звезд прорисовывались ее прямоугольные очертания. Шириной она была с мой большой палец, отставленный на вытянутую руку, и я улыбнулась ей, как старой знакомой. Ночью тарелки нашептывали мне свои непостижимые секреты. Их ровные, утешительные вздохи походили на ветер в ветвях деревьев или на прибор ночного пляжа.

Настоящего пляжа я, правда, никогда не видела.

– Идем! – позвала я Мики и, отойдя на несколько шагов, обернулась.

Он все глаз не сводил с корабля. И только когда кончики завернутых кверху крыльев скрылись за низким кольцевым зданием космопорта на краю тарелки, брат опустил голову и двинулся дальше.

– Как тебе не терпится! – буркнул он.

– Мне-то?

Я пристроилась с ним в ногу, глубоко засунула руки в перчатках в карманы пальто. Пальто я купила уже старым, а перчатки когда-то были внутренней подкладкой устаревшего скафандра.

– Это тебе не терпится отвалить, – заметила я.

– А тебе нет? – спросил Мики.

Я пожала плечами и оглянулась на темные силуэты древних сооружений. Одни были громоздкими, другие стройными и остроконечными, но у всех – ненормальные пропорции. Их строители, кем бы или чем бы те ни являлись, подогнали дверные проемы и лестницы под свой трехметровый рост.

– Мы столько лет прожили здесь, – сказала я.

– Потому что выбора не было.

Зябко кутаясь в одежду, мы прошли до конца переулочка и повернули направо.

В необитаемую часть города мы ходили на промысел, надеясь найти среди заброшенных туннелей и башен обломки нечеловеческой техники, годные для продажи. Но теперь с пустыми руками плелись обратно к ободу тарелки, где заселены были лишь самые удаленные окраины. Город большей частью оказался еще не исследован, уж очень опасной и непредсказуемой считалась чужая архитектура. Нам с Мишелем после смерти матери пришлось перебраться с Альфа-тарелки к дяде, в продутую сквозняками квартиру на четвертом ходи-пешком этаже на Второй городской.

Уличные шары приветствовали нас на каждом перекрестке, висели, как малокровные солнышки, поливая бледным светом. Настроенные неведомыми установщиками на период вращения давно забытой планеты, они за тридцать часов проходили цикл от яркого полдня до мрачных сумерек и обратно. Сейчас они тускнели до минимума. Вылазка затянулась, чего мы не предполагали, так что до полуночи – и комендантского часа – оставалось всего несколько минут. Вокруг было безлюдно. Мало кто рисковал углубляться в запущенный город, тем более ночью. Когда меркли уличные шары и ложились густые тени, его арки и шпили становились особенно зловещими.

– Ты что, никогда даже не думала? – спросил Мишель.

– О чем?

Брат замедлил шаг.

– О жизни на другой тарелке.

Впереди в порту пронзительно взвыл напоследок корабельный двигатель и затих, замолчал. Я от холода обнимала себя за плечи. Пальцы подобрались к ожерелью на шее: платиновой цепочке, которая досталась мне от матери.

– Нет, – отрезала я.

– А вот я сегодня вечером говорил с Трудой...

– С этой безмозглой?..

– Так она решила отсюда убраться.

– Она это всем парням плетет.

Мишель остановился.

– По-моему, у нее все серьезно. – Брат понизил голос. – Говорит, есть знакомства на корабле, на торговце «Электросопротивление». Как он снова зайдет в порт, только ее и видели. И меня она может взять с собой.

– Официантка! – фыркнула я. – Все ее сопротивление – против здравого смысла.

Мишель упер руки в бока.

– Я не шучу.

– И я тоже. Только не стой на месте, пожалуйста. Времени осталось мало.

Я зашагала дальше. Через несколько секунд он догнал меня бегом.

– Почему ты всегда такая?

– Какая?

– Циничная.

– Слушай, – хмыкнула я, – если тебе охота верить всему, что наговорит девчонка, чтобы затащить тебя в постель, – мне-то что? Меня это не касается. Сейчас главное – домой добраться.

– Ревнуешь, – хихикнул брат.

– С какой стати?

– С такой, что на меня обращают внимание.

Я передернула плечами. Внимание меня не миновало: за свои шестнадцать лет наслушалась, как другие старатели обсуждают белый ершик моих волос и разные глаза, – и не всегда это было приятно.

– Просто она норовит залезть тебе в штаны, – презрительно бросила я. – Мне такого внимания даром не надо.

Мишель смущенно одернул полы парки и поморщился:

– Тебе бы не повредило чуточку легче смотреть на мир. Когда-то ты мечтала о путешествиях. Помнишь, как мы по ночам составляли списки мест, где хотели бы побывать?

Я подняла взгляд к звездам.

– Мне уже шестнадцать, Мики.

– И что из этого?

Я плотнее натянула на уши подбитый мехом капюшон.

– И я стала старше, и жизнь переменялась.

– Ты про дядю Калеба?

Пальцы сами сжались у меня в кулаки.

– Ему без нас не обойтись.

Мишель тыльной стороной перчатки вытер себе губы.

– Но это вовсе не значит, что мы должны торчать здесь всю оставшуюся жизнь. Он бы сам этого не хотел.

– Нам нельзя его бросить.

– Я и не предлагаю. – Мишель отчаянным жестом вскинул руки. – Но уходить надо скоро, а то никогда не выберемся. Увязем здесь. Тогда уже будет не вырваться.

– Ты всегда такой был. Тебе еще маленькому не терпелось отсюда убраться.

– А ты слишком уж осторожна! Можно собрать денег и отправить дядю Калеба на Госпитальную тарелку.

– Это гадко, – мотнула я головой. – Он о нас заботился.

– А теперь заболел. И почти не понимает, где находится. Для него же лучше будет, если мы обеспечим ему профессиональный уход.

– Нам это не по карману.

– А если продать квартиру и прочее барахло?

– Где мы тогда будем жить?

– Улетим! – ответил Мишель, таращась в сторону порта.

– Куда?

– Обратно на Альфу, ну или на Командную. – Он широко раскинул руки. – А оттуда, как знать, может, и до Земли доберемся.

Я совсем ссутулилась от холода. Мне было всего пять лет, а Мишелю четыре, когда умерла наша мать и нам пришлось променять Альфу на жизнь старьевщиков на окраинах огромного нечеловеческого города. Альфа-тарелка была для детей раем, полным чудес: теплые биокупола и доступ к бесконечной информации, программы, позволявшие распечатать чуть

ли не все на свете из инертного с виду мусора, и доступное здравоохранение, какого я никогда больше не смогу себе позволить.

– Не доберемся, это невозможно.

– А вот и возможно.

– Да-да, как же, – вздохнула я. – Если и найдется покупатель на квартиру, после оплаты ухода за Калемом у нас не останется даже на билет к Ночному городу, не говоря уж об Альфе.

– Найдем способ.

– Например, флиртовать с отребьем вроде Труди Хайд?

– Почему бы и нет?

– Даже не думай.

Мы срезали по поперечной улочке и вышли к Старому полю – пустому, незамощенному пространству на поверхности тарелки. Тарелки состояли из полупрозрачного синего гладкого материала – мы словно по стеклу ступали. С открытого места, вдали от зданий Второй городской, нам было видно больше неба. Над горизонтом, как пыльный баскетбольный мяч, висел единственный газовый гигант системы, а вокруг – крошечные прямоугольники других тарелок и звезды. Агрикультурные тарелки светились теплым золотом мощных солнечных ламп, а городские, такие же как наша, – булавочными проколами миллионов окон. И высоко над всеми ярко горели близнецы: Командная и Альфа.

В моей голове звучал знакомый шепот Альфы. Одиноким, тоскливым голос. Я вздрогнула и крепче обхватила себя за плечи. Ребенком я мечтала летать среди звезд; раскинув руки, парить среди их просторного роя, свободной и счастливой. Теперь я смотрела в землю, пока мы не вышли на улицу по ту сторону поля, где уже угадывались первые признаки человеческого жилья.

Мы не прошли и полпути до дома, а угловые шары уже померкли до еле видимого буроватого свечения, обозначив полночь. У меня чаще забилося сердце.

– Комендантский час. Надо уйти под крышу.

Мишель нахмурился. Он не хуже меня знал, какое нештучное дело, если тебя застанут на улице от полуночи до рассвета.

– Не надо было так долго шарить в той старой башне, – сказал он.

– Это ты предложил.

Не слушая меня, брат метнулся наискосок к узкому проходу между двумя большими блочными складами.

– Если срезать через Нору, она выведет на Восьмую улицу. Сэкономим пять минут, – объяснил он.

Я с сомнением рассматривала впившиеся в камень граффити на стенах по обеим сторонам проулка. В Норе спали те, кто совсем опустился: отверженные, выгоревшие, безнадежно лишившиеся работы. Считалось, что это пристанище хулиганских банд и наркоманов. Трущобы из упаковочных ящиков и пластиковых коробок занимали целый квартал, втиснутый между двумя древними жилыми постройками.

– Я бы лучше держалась дороги.

– С риском, что тебя упакут патрули? – Мишель шагнул в тень за порогом. – Положись на меня, так будет намного быстрее.

Он уже уходил в темноту, и я выругалась. В проулке воняло горящим мусором и мочой. Между окнами пролегли пожарные лестницы и были протянуты бельевые веревки, с карнизов петлями свисали кабели временной проводки.

– Не уверена... – Я покачалась на пятках, оглядывая пустынную улицу, где некому было за мной подсматривать. – Если мы исчезнем в этом крысятнике, никто и не узнает, что с нами случилось. Свидетелей не будет, и, если даже безопасники станут нас искать, сюда они не наве-

даются. Ни один человек в здравом уме в Нору среди ночи не сунется, во всяком случае, пока у него есть выбор. Когда тускнеют шары, местные и сами стараются не высовываться.

– Можно попробовать.

– Мики, подожди!

– Чего?

В дальнем конце улицы взревел мотор. Из-за угла вывернул бронетранспортер на шести толстых ячеистых шинах. Луч прожектора, установленного за оружейной турелью, пригвоздил меня к месту. Я сощурилась и заслонила глаза ладонью.

– Стоять!

Усиленный микрофоном голос отдался у меня в костях. Целую бесконечную минуту я мешкала, не в силах сообразить, с заходящимся в груди сердцем. Даваться им в руки никак нельзя. Если попаду за решетку, кто позаботится о дяде Калебе? Мишель с ним возиться не станет, а на залог у него денег нет. Надо удирать, только как? Патрули были вооружены и не стеснялись применять оружие.

Машина со стоном затормозила передо мной. Сквозь слепящий свет прожектора я разглядела красный огонек сканера сетчатки. Помимо воли моргнула и плотно зажмурилась.

– Стой смирно!

Бронева дверь открылась с металлическим визгом, тяжелый сапог хрустнул по мостовой.

– Что ж ты так припозднилась, девонька, да еще совсем одна? – Мужской голос был приглушен плотно закрывающей лицо газовой маской. – Ты что, не знаешь про комендантский час?

Он шагнул ко мне – силуэтом на фоне света, в пухлой, подбитой пластинками куртке, с большой, уродливо раздутой куполом защитной каски головой. Я разглядела болтающуюся у него на поясе ночную палочку, услышала пластмассовый скрип униформы и сиплое дыхание.

Безопасники вели себя немногим лучше бандитов. Настоящие полицейские на Альфе были надежными и дружелюбными. А здесь, на Второй городской, патрульных вербовали из самых отпетых негодяев и платили им по результатам. Тебя запросто могли растряссти и вывернуть карманы. Кто при деньгах, откупался от навешанных ими обвинений, но безденежная молодая старьевщица, пойманная на улице после полуночи, превращалась в очередную галочку на их счету.

Мне разом представились следующие десять лет жизни. Камеры, одна другой тесней, из тюрьмы выйду наркоманкой и снова нарушу закон, лишь бы получить теплую постель на ночь, еще глубже увязну в наркоте и отчаянии и, надо думать, закончу свои дни избитой и полуголодной в грязном крольчатнике вроде Норы, что сейчас у меня за спиной, и плакать обо мне никто не станет, а скудное барахлишко разделят такие же подонки.

«Нет, – решила я, – так я жить не стану. Отказываюсь, лучше умереть».

С этой мыслью я повернулась и рванула в переулок.

– Эй!

Мои подошвы шлепали по голому веществу тарелки. Еще рано было сдаваться. Передо мной еще была жизнь, я не отдам ее без боя – потому что лучше уж смерть, чем тюрьма.

Впереди в отблеске прожектора застыл с круглыми глазами Мишель. Я схватила его за руку, потянула за собой.

– Бежим, придурок!

Мы, смаргивая световые пятна в глазах, очертя голову ломились сквозь свисающие простыни и обломки мебели. Под ногами хлюпали вонючие лужи. Полицейский прожектор с улицы направили в переулок – и перед нами протянулись наши тени.

– Стоять, стреляем!

Мишель замедлил бег, но я потянула его вперед:

– Быстрее!

Держась друг за друга, мы выпутались из новой полосы развешанного белья и протиснулись мимо отключенного холодильника.

– Назад, крысиное отродье!

За нами прогремели выстрелы, оглушительно громкие в замкнутом пространстве. Я слышала хлопки пуль, пробивающих тряпье на веревках. От стен по обе стороны брызгали мелкие осколки. Пожарные лестницы искрились от попаданий. У меня лопатки свело в ожидании удара, который раздробит позвоночник. Но вдруг Мишель затянул меня в боковой ход, в открытый дверной проем, уводивший в глубину Норы.

Едва скрывшись с линии огня, мы остановились, прижавшись спинами к стене и огромными глотками втягивая мерзкий воздух. Гул в ушах заглушал все звуки. Стреляют или перестали? Рискнут ли патрули сунуться в Нору без прикрытия?

Через минуту прожектор погас, и я сразу ослепла. Снаружи слышалась злая брань. Как видно, бронетранспортер не сумел протиснуться в переулок, а лезть пешком патрульным не очень-то хотелось.

Мишель в темноте нащупал и сжал мою руку.

– Ты цела?

Я сглотнула. Глаза медленно привыкали к темноте. Я опустила взгляд. Ноги выше колен промокли и в грязи, брюки порваны.

– Жить буду.

– Прямо не верится, – коротко рассмеялся Мишель. – Не верю, что выкрутились.

Он по-братски отвесил мне тумака. Я потеряла ушибленное плечо и попробовала выровнять дыхание.

– Ну, ты же сам хотел, чтобы я не боялась приключений.

Слышно было, как завелся мотор транспортера, – узкий переулок и бетонные стены Норы усиливали звук. Патруль уезжал.

– Что дальше? – спросила я.

На бегу Мишель зацепился за что-то рукавом парки и порвал его от плеча до запястья. Серые клочья наполнителя, произведенного людьми, лезли из прорехи. Он выдернул один клочок.

– Надо поскорее отсюда сматываться. Стрельба, небось, полквартила перебудила.

– Вернемся, откуда пришли?

– Нет, вдруг патрули караулят. Надо идти насквозь, найдем выход на той стороне.

В темноте двигались серые тени. Здешние обитатели зашевелились, заметили нас.

Я скроила гримасу:

– Думаешь, это стоящая мысль?

– Все лучше, чем лезть под пули. Ну, идем.

– Эй, Мики, постой!

Я, спотыкаясь, едва поспевала за братом. До дома отсюда, казалось, далеко как никогда. Блестящая рубашка из искусственной ткани царапала мне подмышки и горло под паркой. Проход уводил все глубже в нутро Норы. Стены были шершавыми, влажными. Кое-где мелькали бледные лица, блестели глаза. Слух улавливал крадущиеся за нами шаги и шепот – сверху и по сторонам. Капала вода. Мои промокшие ботинки хрустели по стеклу и шлепали по черным лужам. Во мраке нужно было пригнуться, ныряя под опорами и рваными занавесками из пластикового брезента. В одном месте, преодолевая открытый лестничный пролет, мы слышали гулкие голоса с этажа над нами, там по фасаду плясали отблески разведенного для тепла костра.

– Постой, – попросила я.

Мне нужно было перевести дыхание. Мишель замедлил шаг, и мы остановились. Коридор здесь расширялся, вверх уходила шестиугольная шахта, очевидно вентиляционная. Ее гладкие стены тянулись на все семь этажей, до решетки на крыше, сквозь которую сырой дымный смрад разбавлялся морозным ночным воздухом. Пол на дюйм был залит грязной водой. Из труб отопления с шипением прорывался пар. Я оперлась руками о колени. Грудь ходила ходуном.

Брат вернулся ко мне и тронул за плечо:

– Ты как, ничего?

Снизу тянуло зловонием. Я сморщила нос и проглотила первый просившийся на язык ответ. Страхнула руку Мики и выпрямилась.

– Какое там «ничего»? Что, по мне не видно?

Ботинки были безнадежно испорчены, и на новые уйдут до гроша все деньги, что я скопила. Босиком на промысел не пойдешь.

– Откуда здесь эта мокрядь? – Я со злостью топнула по затхлой жиже. – Чтоб ее подобрало на...

Я осеклась. Не успела договорить – вода высохла на глазах, впиталась в пол, как в губку. Брызги от моего башмака упали уже на сухую поверхность.

– Вот это дела! – удивленно хмыкнул Мишель.

– Да уж, – хмуро отозвалась я.

Пальцы в перчатках звенели. Я сжала их в кулаки и сунула в карманы. В ботинках все еще хлюпало, но подошвы стояли теперь на голой тарелке.

Мишель округлившимися глазами уставился на меня.

– Куда подевалась вода?

Я на пробу ковырнула пол носком ботинка.

– Чтоб я знала! Может, здесь есть сток? – Распрямившись, я оглядела сырые стены шестиугольной шахты. – Лучше бы нам сюда не соваться.

– Опять я во всем виноват? – подбоченился Мишель.

Я смотрела на лоскут неба над головой.

– Я же не так сказала.

– Зато подумала так, разве нет?

– Нет. – Я замученно повела бровью.

– Врешь, у тебя всегда я виноват.

– Неправда.

– Да ну? – Мишель скрестил руки на груди. – А помнишь прошлогодние посиделки в Камышовом квартале? А близнецов Лестеров забыла?

Я стала проталкиваться мимо него.

– Не до того сейчас. Надо выход искать.

– Пусть так, – оскалился Мишель, – только не забывай: это ты удирала от патрульных. Из-за тебя в нас стреляли. Не заведи я тебя сюда, ты бы уже была под арестом или покойницей. Раз в жизни я вытащил нас из заварухи, а ты хоть бы спасибо сказала.

Я уловила внезапное движение за плечом моего сводного брата: в коридоре за вентиляционной шахтой возникли фигуры в броне.

– Не сомневайся, – вздохнула я, инстинктивно прикрыв ладонью цепочку на шее. – Сегодня ты нас втянул в заваруху.

Мишель, насупившись, обернулся вслед за моим взглядом и застыл, когда трое вооруженных патрульных шагнули в шахту. Не произнося ни слова, они разошлись веером вдоль стен, окружая нас.

– Вот и вы, – с сильным акцентом проговорил их главный.

Своим оружием и снаряжением он занял, казалось, все свободное место и медленно, с издевкой смерил нас взглядом.

– Теперь вы наши, – хмыкнул он, и в горле заклекотала мокрота. – Некуда вам податься, да?

Я вцепилась в плечо Мишеля.

– Не надо, пожалуйста.

Нора меня пугала, но я рискнула встретиться с ее залитыми полами и отчаянными обитателями, лишь бы избежать ареста. Как можно, пройдя этот страх, все равно попасться?.. До жути нечестно!

Шелушащиеся губы безопасника разошлись в кривой усмешке.

– Что ты сразу заскулила, девонька? Ты ж еще не знаешь, что нам надо.

– И чего же вам надо? – заслонил меня Мишель.

На верхней губе патрульного, как мышонок, прилепились густые усы, подбородок был темен от щетины.

– Прежде всего, выкладывайте все денежки.

– И вы нас отпустите?

Патрульный покачал головой. Кто-то из его людей прыснул.

– Потом отдавайте одежду и побрякушки. – Он погладил небритую скулу. – В знак добрых намерений.

У меня стало сухо во рту.

– А если откажемся? – спросил Мишель.

Мужчина вытащил из кармана куртки старую ржавую отвертку. Кончик был остро заточен.

– Тогда убью вас обоих. Заберу барахло. Сойдет за работу уличной банды.

Я еще крепче вцепилась в рукав брата. Ладони у меня чесались, я глаз не могла оторвать от самодельного оружия. По обе стороны от нас, как мальчишки, хихикали остальные копы.

– Что делать? – прошептала я.

– А ты как думаешь?

Мишель зубами стянул перчатку. Расстегнул молнию парки и запустил пальцы во внутренний карман. Медленно достал диск кредитки и бросил к ногам патрульного.

Тот, самодовольно крякнув, подхватил диск и подбородком указал на меня:

– Теперь ты.

Я дрожащими руками начала снимать перчатки. Он что-то высмотрел и, ткнув мне отверткой в горло, крикнул:

– Давай цепочку!

– Нет, – замотала я головой. – Пожалуйста, только не это.

– Быстро сюда! – протянул он руку.

Я, отпрянув, налетела на стоявшего сзади. Грубой хваткой он стиснул мне плечо. От него исходил запах старого пота, ружейной смазки и лука.

– Нет! – вскрикнул Мишель. – Не троньте ее!

Главарь, не сводя глаз с моего ожерелья, замахом кулака назад ударил Мишеля по губе, сбив с ног.

– Заткнись, малец.

Шагнув ближе, он коснулся острием отвертки моей щеки. Холодный металл, пахнувший ржавчиной. На темной рукоятке хлопьями засохла кровь.

– Давай сюда.

Я сглотнула. Ладони зудели.

– Отвяжитесь!

Голос у меня дрожал. Руки горели, словно я держала сухой лед, в голове бушевал ураган. Патрульный расхохотался за обвисшей маской.

– Опоздала, детка. Я сперва заберу цепочку, потом денежки. А потом мы тебя здесь и оставим. – Он оскалился. – Запомнишь, как нарушать комендантский час. Ну, отдашь сама?

Голова моя готова была лопнуть. Я простонала, чтобы сгладить давление, и патрульный, на миг опешив, сделал шаг назад.

– Тихо ты. Никто тебе здесь не поможет.

Я его не слушала. Что-то копилось во мне, вскипало, начиная от ступней и обжигая каждую клетку, каждый нерв. Когти боли рвали мозг. Земля дрогнула, здание дало трещину. Ливнем посыпались каменные осколки, стали лопаться трубы, повыскакивали из гнезд электропровода, рассыпая кругом искры. Безопасники разинули рты, чтобы заорать.

Прогремел выстрел.

Я моргнула. Ярость во мне улеглась. Ничто не шевелилось во внезапной гулкой тишине.

На открытое место выступила женщина. Лицо острое, как из кремня вырублено, а одета в линялую серую корабельную форму. Вышедший вслед за ней высокий парень с дредами взял нас всех на прицел грозного на вид пескоструйного пистолета.

– Ладно, хватит, – жестким, не допускающим ослушания голосом заговорила женщина. – Кто шевельнется, будет соскребать кишки со стен.

Она прошла вдоль края шахты и остановилась рядом со мной, заложив руки за спину.

– Корделия Па?

– Да.

– Хорошо. – Она резко кивнула, словно признав ярлык на коробке. – Мы тебя уже пару часов ищем. Меня зовут Ломакс. Пойдешь со мной. Но прежде... – Она обернулась к патрульным. – Никогда не видели, что делает с человеком струя под давлением? Нет? Если через десять секунд кто-то из вас все еще будет здесь, попрошу Паука показать. Покажешь, Паук?

Парень, сверкнув золотыми зубами, приподнял руки с пистолетом:

– Ясное дело, черт поberi.

Целое мгновение патрульные хмурились, не двигаясь с места. Они не привыкли выслушивать приказы от гражданских. Паук нажал на рычажок сбоку оружия, и оно взвизгнуло, включаясь. Двое, стоявшие позади, дрогнули. Визг стал оглушительным, и тогда у главаря не выдержали нервы. Бежать бросились все разом, столкнулись в узком проеме, громыхнув бронею, уже не думая про добычу.

Женщина, с холодной улыбкой удовлетворения, проводила их взглядом.

Скорчившийся рядом Мишель встряхнул меня за плечо. Оба мы были в пыли и известке.

– Ох, Корделия, слава богу. Я уж думал... думал... – Растеряв слова, он переминался с ноги на ногу.

Я закашлялась. Чувствовала себя иссякшей досуха.

– Что это было?

– Это тебя надо спросить! – воскликнул брат.

Мы стояли в том же шестиугольном колодце посреди трущоб.

– Ты сама скажи, Корделия! Отчего так тряхнуло? Что случилось?

Я тронула лоб ладонью – мокрый. Дыхание застывало в ночном воздухе, внутри у меня было пусто и знобко. Здание над нами раскололось до самой крыши. Из лопнувших труб, шипя, вырывались клубы пара. Из сорванных кранов брызгала холодная вода, дождем стучала по обломкам.

– Не знаю.

У меня осталось странное впечатление, смутные обрывки боли и гнева, но при попытке их собрать все рассыпалось. Болела голова.

– Я ничего не поняла.

– Просто... – Мишель замолчал, распахнув глаза. – Корделия, твои руки!..

Я опустила взгляд: кончики пальцев мягко светились, как последние угольки костра, и кости тлели под кожей. Рассмотрев перевернутые ладони, я нахмурилась.

На дальней стороне разрушенной Норы взывала полицейская сирена. Перепуганные патрульные вызвали подкрепление. Я сжала руки в кулаки, спрятала их в карманы и сверкнула глазами на разинувшего рот Мишеля. Не успела посоветовать ему закрыть рот, потому что Ломакс наклонилась и потянула меня за плечо.

– Идем, нам пора.

Она поддержала меня, и мы поспешно зашагали прочь: Мишель за мной, а голенастый парень по прозвищу Паук последним. Руки у меня еще дрожали, я спотыкалась о собственные ноги и все оглядывалась через плечо.

– Там что-то взорвалось?

Ломакс, не задерживая шага, подтолкнула меня вперед.

– Откуда мне знать! Вроде похоже на землетрясение. Но мое дело – доставить тебя в порт. Там можно будет поговорить.

– В порт?

Мы вышли на улицу. Здесь сирены слышались громче.

– Сюда. – Женщина провела меня вдоль стены к доставочному фургону, припаркованному у тротуара. – Залезай.

– Куда мы едем? – вырвалась я от нее.

– В безопасное место. Ну, прошу, забирайтесь оба.

Она открыла боковую пассажирскую дверцу и подтолкнула меня в кабину. Мишель с Пауком устроились сзади.

– Голову держи пониже, – предупредила Ломакс. – Как бы нам не встретиться с патрулем.

Она отвезла нас в космопорт и вывела машину на посадочную площадку.

– Ого! – Мишель просунул лицо между спинками сидений. – Знакомый корабль. Мы видели, как он садился.

Я посмотрела, куда он указывал. Корабль стоял на бетоне в полусотне метров справа, и я тоже узнала желтые и черные полосы на корме.

Ломакс тронула колонку управления, остановила машину в тени развернутых крыльев.

– Добро пожаловать на «Тетю Жиголо», – объявила она и, заглушив мотор, вылезла, обошла фургон со стороны радиатора, распахнула мою дверь. – Выходи, скоро стартовать.

Она помогла мне спуститься, и я застыла, щурясь в резком свете дуговых фонарей. Впервые видела такой большой корабль близко и обомлела от его величины. Я думала, он окажется примерно с пассажирский челнок, доставивший когда-то нас с Мишелем на Вторую городскую, но эта зверюга была в добрых четыре раза выше и длиннее маленьких межтарелочных прыгунов. Лежащий на брюхе корабль походил на опрокинутую на бок высотку. Корпус, не считая полос, был фабричного серого цвета. Нос сходил в тупое рыло, на котором вывели название. На двигателях и у шлюзов красовались предупреждающие знаки. Стручки датчиков торчали, как проросшие не на месте усики.

– Что «скоро»? – переспросила я.

– Стартовать. Идем, все устроено.

Я отстранилась:

– То есть как?

– Мне поручено обеспечить твою безопасность. А сейчас, Корделия, для тебя безопасно быть подальше отсюда, у другой звезды.

– Вы шутите. Как же?..

– Боюсь, выбора нет. После сегодняшнего вас с братом начнет искать полиция, а на этой тарелке не так много мест, где можно спрятаться.

Я поглядела на сетчатые черные крылья корабля, зависшие над нами и тускло отливавшие оранжевым в свете дуговых фонарей.

– Зачем я вам нужна?

– Расскажу, когда будем на борту. Пойдем же!

– Я не могу. У меня дядя...

– Уверена, с ним ничего не случится.

Впереди гостеприимно светилось отверстие шлюза – желтый кружок на тусклом корпусе. Ломакс потянула меня к нему.

– Я не могу улететь, – сказала я.

– Мы все улетаем. Ну, давай на борт.

Она забросила меня в шлюз. Паук так и держал пистолет на сгибе костлявой руки. Он смерил меня взглядом и вздернул бровь.

– Не думал, что она такая молодая.

У него был густой, внетарелочный акцент, а короткие тонкие дреды торчали, как растопыренные паучы лапки.

Парень перевел взгляд на моего сводного брата и добавил:

– Мне казалось, нам нужна только она.

Оба уставились на Мишеля, который заметно побледнел и стал пятиться, будто испугавшись лившегося из шлюза света.

– Залезай, пацан, – поморщилась Ломакс и подала ему руку, но тот отступил на два шага.

– Нет, я не могу. Не хочу, – вскинул он ладони, защищаясь от нее.

Я потянулась к нему, но длинные пальцы Паука ухватили меня выше локтя.

– Прости, милая, – пробурчал он, – ты останешься с нами. Нам без тебя никак.

– Но он же мой брат!

Стоявшая рядом Ломакс тихо выругалась и обратилась к Мишелю:

– Ты нам не нужен. Мы, собственно, за ней. Если хочешь с нами – давай. Но решать нужно сразу.

Я поймала взгляд Мики. Его лицо было бледным в лучах прожекторов.

– Нет, я не полечу. – Он потер глаза. – Извини, Корд.

Я не верила своим ушам. Это ведь Мишель хотел отсюда убраться! Мечтал об этом. А теперь, когда ему предложили исполнение желаний, струсил? Все его громкие слова вдруг обратились в ничто, и я наконец увидела боязливого мальчишку, который всегда прятался за бахвальством.

Ломакс глубоко вдохнула, как видно что-то решив для себя:

– Лови! – И швырнула ему кредитный диск.

Мишель машинально схватил.

– Там пять сотен, – сказала она. – Продержишься какое-то время. Фургон можешь оставить себе.

Он часто моргал. Его взгляд метался от диска ко мне.

– Извини, Корделия.

– Мики?

Портовые огни расплылись, в глазах у меня стояли слезы.

– Я не могу, – повторил он.

Мне хотелось вцепиться в него.

– Ты же только об этом и говорил!

– Это так. – Он хлопнул носом и утер его рваным рукавом парки. – Мне жаль, правда, правда, жаль.

Брат полез в фургон. Я позвала, но он не обернулся. Сел за рулевую колонку. Двигатель взвизгнул, оживая. Слезы лились по его щекам, но он уехал. Я, задыхаясь, смотрела, как уносятся к воротам кормовые огни.

– Нет, так нельзя! – Я рванулась из рук Паука. – Он не мог. Он бы не стал...

У меня закололо пальцы, словно в подушечки вонзались тысячи булавок. Хотелось выскочить и приволоочь Мишеля обратно, но было поздно. Фургон затесался среди портовых контейнеров и кранов, и я потеряла его из виду.

Вокруг меня как будто не осталось воздуха. Паук потянул меня за плечо, и я, оглушенная случившимся, покорно прошла за ним в люк.

– Трюмы полные, – сказал он, – разрешение на старт получено. Добро пожаловать, крошка. Будь как дома.

Ломакс оглядела меня и спросила:

– Ты в порядке?

Я замотала головой и повернулась, чтобы сквозь люк взглянуть на посадочную площадку, ограждение и город за ним.

– Так нельзя, я не могу его бросить.

Что-то во мне будто порвалось. Миллион крючков медленно, мучительно разрывали сердце и внутренности.

– У тебя нет выбора, – сказала Ломакс.

– Почему?

– Я уже говорила. Ты нужна нам.

– А Мики... – повернулась я к ней.

– Мы сделаем, что сможем. Когда ты окажешься в безопасности, пошлем ему еще денег.

Паук, в оскале сверкнув золотыми зубами, почесал за ухом:

– Что-то не так?

– Все нормально, – подняла руку Ломакс. – Дай нам еще минутку?

Парень демонстративно принялся разглядывать свой пескоструй и улыбнулся, подставив свету блестящие зубные протезы.

– Ясное дело, компанеро, – сказал он и через внутренний люк пролез в гулкое нутро корабля. – Только не слишком тяни. Гант через две минуты убирает шасси и спрашивать, готовы или нет, не станет.

Когда он вышел, Ломакс тронула меня за рукав:

– Обещаю, мы сделаем все возможное.

Я стряхнула ее руку.

– Но мне вообще непонятно, зачем вы все это делаете. Я самая обыкновенная. Чего вы от меня хотите?

– Отвезти тебя повидать моего старого друга... – сказала Ломакс.

На потолке загорелись красные вспышки предупредительного сигнала. С металлическим стоном стала закрываться наружная дверь шлюза.

– ...старого близкого друга.

Я бросила отчаянный взгляд в сужавшийся проем – на город, который чуть ли не всю свою жизнь называла домом.

– Какой еще «старый друг»?

Ломакс потупила взгляд.

– Твой отец.

Люк закрылся, с последним, окончательным «ке-тунк» отрезав меня от Второй городской тарелки и знакомого мира. На корме зашумели двигатели, палуба под ногами завибрировала. В стеклянной панели за плечом Ломакс я поймала свое отражение: белый ершик волос, разные глаза, щеки в известке и засохшей крови.

Выставив вперед ладонь, чтобы не потерять равновесия, я переспросила:

– Отец?

Не сомневалась, что ослышалась. Но женщина не успела объяснить: корабельные коридоры заполнил вой сирены.

– Пойдем, – сказала она и, взяв меня за руку, провела в тесный пассажирский салон с шестью рядами кресел.

Ломакс помогла мне пристегнуться ремнями к пухлым подушкам во втором ряду, щелкнув металлической пряжкой, и едва она заняла свое место, как палуба задрожала.

Я вцепилась в подлокотники, все еще протестуя:

– Я не могу улететь.

Сердце у меня вдруг застучало молотом. В груди трепыхались бабочки.

– Выбора нет ни у тебя, ни у меня, – констатировала Ломакс.

В салоне пахло дешевым пластиком обивки. За подголовником переднего кресла засветился экран, показал вид на взлетное поле. Залязгали, отцепляясь, топливопроводы и шланги подачи воздуха и медленно втянулись в гнезда на бетоне площадки. В луче света вспыхнул гидразиновый пар, хлынувший из маневровых двигателей на корабельном брюхе.

– Десять до старта, – прокаркал чей-то голос.

Я тщетно искала глазами Мишеля – и он, и его фургон давно исчезли.

– Пожалуйста...

– Уже поздно, – покачала головой пожилая женщина.

Палуба снова задрожала, стены застонали. Изображение на экранчике дернулось. Шум двигателей усилился до рева, от которого у меня все затряслось внутри, и старый корабль заковылял в небо.

«Тетя Жиголо» поднималась, как кабина лифта. В сотне метров над космопортом она зависла. Я увидела древние нечеловеческие здания города, выстроенные кругами от площадей, и за ними, там, где обрывались улицы, кромку самой тарелки; грань моего мира, с которой ничего не стоило буквально свалиться в звездную пустоту по периметру и вниз. От этого вида у меня засосало в животе. Я всю жизнь прожила потерянной: бедной сиротой, которую другие дети не принимали в игры из-за странного вида. Мне приходилось наскребать себе крохи по городским окраинам. А теперь и этого лишили.

Сидевшая рядом Ломакс произнесла:

– Это все к лучшему.

– Откуда вы знаете?

– Ты мне просто поверь.

– А вы сказали, мой отец...

– Это его корабль.

«Тетя Жиголо», опустив корму, задрала нос к звездам, а я нахмурилась:

– Но у меня нет отца.

2

Корделия Па

Уходя от Второй городской тарелки, «Тетя Жиголо» выхлопом двойного термоядерного двигателя осветила запущенные улицы и норы. Крепкая старушка двадцать минут вгрызалась в небесную темноту. Тряслись стены и палуба. На двадцать первой минуте она миновала невидимый энергетический занавес, скреплявший тарелку и не дававший ее воздуху рассеяться в пространстве, и тогда главный двигатель отключился. По всей длине корпуса заработали маневровые сопла, разворачивая корабль к неизвестной мне цели. «Тетя» начала ускорение. Когда она набрала необходимую для прыжка в высшие измерения скорость, вступили в действие могучие силы, скопившиеся во фрактальных витках внутри ее лязгающего металлического сердца. Эти потоки энергии, направленные вдоль торчащих из ее носа лопастей, прорвали в ткани вселенной круглую дыру. Звездный свет по ее краям разбивался на радужное гало. Посреди открылась туманная, продутая ветрами пустота.

«Тетя Жиголо» гнала вперед, к созданной ею червоточине; далекие холодные звезды освещали ее тупой нос. На пороге портала она развернула сетчатые остроконечные крылья, черные на фоне космической тьмы, и простерла их перед собой, ища опоры почти в неосознанной ткани гиперпространства. По обшивке заиграли щупальца тумана, но она была упряма, как мотылек, притянутый ревушим пламенем газовой горелки. Снова заработали термояды, и она очертя голову ринулась в бездну.

Я, в главном пассажирском салоне за носовой рубкой, побледнев, цеплялась за подлокотники и таращила круглые глаза. Рядом сидела равнодушная Ломакс.

Из вентиляции тянуло застоявшимся воздухом с металлическим привкусом. На взлете помещение сотрясалось, словно погремушка в руке великана. Проход в червоточину дался еще тяжелей, еще хуже, чем я ожидала, однако, как только мы вышли в гиперпространство, полет стал плавным. Палуба еще подрагивала, но Ломакс своим примером показала, что уже можно отстегнуть ремни безопасности и без особого труда встать на ноги.

– Пойдем, – позвала она. – Хочу показать тебе рубку.

Я отстегнулась, но осталась сидеть.

– Зачем?

– Затем, что этот корабль теперь твой дом, так что неплохо бы с ним познакомиться.

Я оглядела швы переборки и дотронулась до материнской цепочки на шее.

– Мой дом?

– Да. – Ломакс бросила взгляд на люк в передней стене. – Паук не в восторге, но так хотел старик.

– А старик – это мой отец?

Ломакс скрестила руки на груди.

– Я же сказала: «Тетя Жиголо» – его корабль. А он велел взять тебя на борт.

– Он здесь? Я с ним увижусь?

– Не так сразу. Мы его подберем на следующей остановке. Пока здесь только Гант и Броф. Гант – пилот, а Броф – механик. Драфф, естественно. Ты с ними потом познакомишься.

В салон проскользнул Паук.

– Как там? – спросила его Ломакс.

– Не так уж плохо, – ответил он, привалившись бедром к дверному проему.

– В Редлуме будем вовремя?

– Через пару дней.

– Хорошо. – Ломакс крепче сжала свои локти. – Не хочу и лишней секунды терпеть эту штуку на борту.

Длинные пальцы Паука теребили бородавку. Уголки губ тронула усмешка.

– Артефакт как артефакт, шкип. Мы ли не таскали их сотнями?

– Нет, – покачала головой Ломакс, – с этим что-то не то. Он мне не нравится. У меня от него мурашки по коже. Чем скорее сгрузим его с корабля и передадим Хагвуду, тем я буду счастливее.

Она обернулась ко мне:

– Ты выросла на тарелках. Знаешь, что такое артефакты?

– Какие?

– Любые, – пожала плечами Ломакс.

Я облизнула губы.

– Мы с Мики – старьевщики.

– Стало быть, ты и сама их находила?

– Нечасто. – Я почесала щеку. – Ничего крупного. Несколько целых ваз, странные статуэтки, всякая ерунда. Больших денег на этом не заработаешь, только-только чтобы прожить.

– Да ну? – дернула бровью Ломакс. – Такие вещи, особенно произведения искусства, стоят целые состояния. Похоже, вас облапошивали?

Я уставилась на ладони, не зная, куда девать глаза.

Женщина похлопала меня по плечу:

– Не принимай близко к сердцу. С предложением и спросом всюду одинаково. На том богачи богатеют, что бедняки потеют. Это везде так.

Я хмуро обвела взглядом стены.

– Богачи – такие, как вы?

Раздался безрадостный смешок.

– Нет, милая. Мы не богатые, куда там. Мы не продаем груз, мы его только доставляем. Просто курьеры. – Ломакс расплескала ботинком натекшую на полу лужицу конденсата. – Разве богатые так живут?

– А мой отец?

– Он всегда увлекался артефактами. По-моему, и возит их затем, чтобы проводить время рядом с ними. Он часами торчит в трюме – просто любит.

– Когда я его увижу?

– Скоро. Мы сейчас летим за ним. – Ломакс закусила нижнюю губу. – Эти две недели Ник занимался довольно деликатными переговорами на Редлуме.

– Отца зовут Ник?

– Ты не знала? – Она коротко остриженным ногтем почесала лоб. – Да. Ник Мориарти.

– Мориарти.

Имя оставило на языке странный привкус. Я потерла глаза и, подняв взгляд, увидела, как смягчилось лицо Ломакс.

– Не волнуйся, детка. На тебя много всякого навалилось сразу. Все будет хорошо.

– Но чего же он хочет?

– Хочет, чтобы ты жила с ним на корабле.

– Почему?

Улыбка Ломакс стала чуть жестче.

– Готовит себе смену.

– Какую смену?

– На место капитана этого корабля.

Я закрыла глаза.

– И что мне теперь делать?

– Он оставил тебе сообщение. – Ломакс постучала подушечкой указательного пальца себе по губам. – Записал, перед тем как мы его сбросили. Оно у него в каюте.

– Можно посмотреть?

– Пойдем со мной.

Женщина протянула руку, а я, не зная почему, приняла ее и позволила поднять себя на ноги. Мы вдвоем прошли к переднему люку, в носовую часть корабля. Ноги наши плюхали по мокрой палубе.

На пороге люка Ломакс обернулась:

– Паук!

– Что?

– Найди уже эту треклятую протечку.

Он лениво вздохнул:

– Есть, шеф.

Капитанская каюта пряталась под рубкой, в нижней половине тупого корабельного носа. В нее вел люк в полу коридора между мостиком и остальными помещениями.

– Спать пока можешь здесь, – сказала Ломакс. – Если решишь остаться, получишь отдельную каюту, но ее еще нужно расчистить. Мы ею пользовались вместо кладовки, и ты не поверишь, сколько там скопилось хлама.

Я склонилась над открытым люком, заглянула в комнату. Отсюда виден был только трап и кусок голой металлической палубы.

– Прокрути отцовское сообщение, возьми все, что захочешь, из пищевых принтеров в гостиной и поспи. По твоему времени уже, наверное, два часа ночи.

– Но... а Мики?

– Ничего с твоим братом не случится.

– Он сводный брат, – уточнила я и дернула плечом, сама не зная, зачем вздумала вдаваться в подробности. – Мать одна, отцы разные.

– О нем не волнуйся, у него все будет хорошо.

– А дядя? Мики должен будет заботиться о дяде.

– Ручаюсь, он справится.

Я потеряла глаза. От меня не укрылось, что женщина старается быть со мной доброй, но ей это трудно дается.

– Извините, – вежливо спросила я, – как мне к вам обращаться?

– Мое имя Тесса, но, как ты уже поняла, все называют меня Ломакс.

– Вы хорошо знакомы с моим отцом?

– Думаю, знаю его не хуже других. – У нее дернулись уголки губ. – А может, и получше некоторых.

– Какой он?

Ломакс решительно покачала головой.

– Уже поздно. Сообщение отца ты найдешь на кристалле у кровати, там, где он оставил. Ну же, спускайся.

Она помогла мне свесить ноги в люк и нащупать ступеньку. Проследила, как я грохотала по стальным перекаладинам. Я-то лично не боюсь ни высоты, ни замкнутых пространств. Давно отвыкла бояться, промышляя в городе разным старьем.

Когда я спустилась, Ломакс поставила на место тяжелую крышку над моей головой.

– Утром увидимся! – крикнула она.

Я не отозвалась. Остановившись под трапом, скользнула взглядом по тускло освещенному помещению.

Каюта моего отца.

Она оказалась меньше, чем я ожидала, – может, четыре на два метра. Стены были украшены старинными морскими картами с завернувшимися, потемневшими от времени углами. На спинке стула висела кожаная куртка.

«А это, должно быть, его койка», – подумала я.

Простыни были смяты, но в изножье постели лежал свежееотпечатанный спальный мешок. Рядом стоял маленький круглый кристалл-плеер. Из порта торчал торец кристалла, мигал красный огонек: «Непрочитанное сообщение». Я нерешительно взяла машинку в руки. На чехле виднелись бесчисленные мелкие царапины и потертости – судя по ним, плеер использовали рьяно.

Я столько лет гадала, кто я такая, откуда взялась и почему так не похожа на всех. Теперь в моих руках были ответы. Только хватит ли у меня храбрости их выслушать?

Пусть я большей частью самоучка, но об эксперименте с котом Шредингера слышала. И сейчас впервые поняла, как должен чувствовать себя гипотетический экспериментатор перед тем, как открыть коробку. Я всю жизнь мечтала и строила догадки. Лежала ночами, свернувшись под холодным одеялом, слушала, как храпит Мики, и жадно представляла, как меня найдут отец. Мать унесла сведения о нем в могилу, но это не мешало мне воображать его отчаянно смелым, богатым и красивым. А теперь меня мучило сознание, что, как только я включу запись, всем этим утешительным фантазиям придет конец. Все, что я понапридумывала и чему хотела верить, рухнет перед единственной жестокой правдой. Он из вероятностной волны превратится в конкретную, определенную личность – и мой мир резко уменьшится в размерах.

Я села на край койки. От простыней шел слабый пряный запах: смесь мужского пота и старого дешевого одеколona. Я дрожащими руками пристроила плеер на колени и набрала в грудь воздуха.

Выбора на самом деле не было. Я должна была услышать сообщение, что бы в нем ни содержалось, добро или зло. У меня в животе словно пауки ползали, доводя до тошноты. Я с трудом сглотнула, чтобы не дать им подобраться к горлу, и, напрягаясь каждым мускулом, нажала кнопку.

Над плеером, над моими коленями, прочно расставив ноги, утвердилась двенадцатисантиметровая голограмма Ника Мориарти. Я с легким разочарованием увидела, что волосы у него не белые, а глаза одинакового цвета. На самом деле для космозэна он выглядел успокоительно нормальным. Носил подбитую мехом кожаную куртку (ту самую, смекнула я, которая висела теперь на стуле) и почти такой же, как на Ломакс, комбинезон. Твердый подбородок зарос щетиной, а волосы на висках поседел.

– Я говорю с Корделией Кармин Пандорой Па, дочерью Жасмин Па с Альфа-тарелки?

Голос у него был низкий и хрипловатый, с незнакомым легким акцентом.

– Да. Мм... здравствуйте.

Крошечные глаза сфокусировались на мне.

– Приветствую тебя, Корделия. Меня зовут Ник. Ник Мориарти, и Тесса должна была уже объяснить, что я твой отец.

Каждое слово падало, как камешек в темный колодец, и эхом отзывалось у меня в голове. Я рассеянно потянулась к стулу, тронула мягкую подбивку куртки.

– Приятно познакомиться, – сказала я, не придумав ничего лучше.

Маленькая фигурка изобразила слабое подобие официального поклона: резко дернула вниз подбородком.

– Взаимно.

Я-то ожидала увидеть обычную запись, поэтому помахала перед его лицом:

– Вы меня видите?

– Увы, – с сожалением развел руками Ник. – Это просто проекция. Я ничего не вижу. На кристалле в этом плеере содержится схема моего сознания, а программное обеспечение передает мне информацию о твоём лице и голосе, но это совсем не то, что видеть.

– Схема сознания?

– Схема моего мышления. Как в симуляторах. Программа позволяет мне говорить и реагировать, но в сущности это просто догадки на основании моего поведения в прошлом.

Сердце у меня в груди застыло камнем.

– Значит, я не на самом деле с вами говорю?

– Нет, девочка, – покачала головой фигурка. – Извини. Настоящий Ник ждёт тебя в другом месте. Я же сказал: просто запись. Симуляция.

– А ты чувствуешь себя живым?

– Не думаю. – Ник поскреб пробивающуюся на подбородке щетину. – Трудно сказать. Я могу вести себя и чувствовать, как Ник, но по большому счёту я не он. У меня нет самосознания. Я просто эхо, доносящее его слова. – Он выдохнул, раздувая щеки. – Кстати, что тебе рассказала Тесса?

Я облизнула губы.

– Ну, например, что ты хотел, чтобы я заменила тебя на этом корабле.

– Правильно...

Мне впервые почудилась грусть в его глазах.

– ...Я не молодею и когда-нибудь соберусь передать семейное предприятие преемнику.

– А сейчас что я тут буду делать?

Ник всплеснул руками.

– Учиться всему, что же ещё? Я отправлю тебя в летную школу. Когда вернешься, будешь моим старшим помощником, пока я не решу уйти на покой. Это хороший корабль, он нас куда хочешь доставит. – Ник подался вперед, едва не высунувшись из сферы проекции. – С собственным судном ты будешь сама себе хозяйкой. Пока нам платят за перевозку грузов, мы с тобой можем жить свободно и чисто, и никто не вправе нам указывать, что делать и как себя вести.

– Как ты сейчас?

Он улыбнулся волчьей улыбкой:

– Именно так, черт побери.

– Но я ничего не понимаю в управлении звездолетами. – Я потеряла левый глаз правой рукой и сдержала зевоту. – Я старьевщица. В космосе никогда не бывала.

– В твои годы и я не бывал. Деревенский паренек, родился и вырос в Марках. Я и в город-то не выезжал, пока не стал взрослым. Но я очень старался и потому скоро выучился. В наше время иначе нельзя было.

Я опасливо прищурилась на его изображение и вспомнила «Тетю Жиголо». Паника выплеснулась из меня словами:

– Это слишком! Я даже не знаю, с чего начать.

– Тесса введет тебя в курс дела, а через пару дней вы и меня подберете.

Я встряхнулась. Годы промысла закалили меня против слишком выгодных на словах сделок.

– Мне надо подумать. – Я зевнула, потирая лоб. – Если тебя на несколько часов выключить, ты вспомнишь этот разговор, когда снова включу?

– Главное – меня не перезагружать.

Я потянулась к кнопке на плеере.

– Вот и хорошо. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, доченька.

У меня словно застряло что-то в горле и не хотело глотаться.

– Не зови меня так, пожалуйста.

– А как? – озабоченно спросил Ник.

Я потеряла мочку уха.

– Только не так. Пока не надо.

Он не имел права изображать любящего отца. Не заслужил еще.

Если, конечно, он и вправду мой отец. Я отчасти подозревала обман, жестокий розыгрыш. С сиротами вроде меня чудес просто не бывает.

– Если уж надо как-то обратиться, зови меня Корделией, – сказала я. – В конце концов, это мое имя.

– Хорошо, извини, – понимающе кивнул Ник. – Пусть будет Корделия. – Он подпер ладонью подбородок. – А ты как будешь меня звать?

Нажимая большим пальцем выключатель, я шумно вдохнула носом и ответила:

– Это потом.

Проснувшись я в спальном мешке. Плеер стоял на подушке, и в каюте, пока я отдыхала, ничего не изменилось. Никто ничего не трогал. Лежа на спине, я скользнула взглядом по потолку, пытаясь увидеть мир глазами отца. Это, что ни говори, была его кровать. Несколько книжонки в бумажных обложках на металлических полках, придержанные медной проволокой, – его книги; и обтрепанные навигационные карты на стенах тоже его. Я решила, что над кроватью висит карта заливов и берегов Земли. Она изображала скопление зеленых островов, окруженных линиями глубин и какими-то непонятными значками. Контур суши были ничем не заполнены, не то что на подробных зарисовках, которыми пользовались мы, старьевщики, – там обозначалась каждая комната и каждый проход. Тех, кому были предназначены эти карты, путь к цели интересовал больше самой цели: для них течения и мели были важнее городов и селений.

Мне через койку передавалась дрожь «Тети Жиголо», тащившейся по высшим измерениям на растопыренных магнитных крыльях. Сколько раз мой отец лежал здесь поутру, вслушиваясь в скрип гнущейся обшивки, в звон и урчание труб, в шаги по металлической палубе рубки над головой.

Шум шумом, но в каюте ощущалась удивительная тишина, и я только через несколько минут сообразила почему. Не хватало голосов тарелок – тихого шепота, ставшего таким привычным, что я перестала его замечать. Тарелки больше не шептались в моем сознании. Их утешительный говорок смолк. Поняв это, я чуть не расплакалась. Захотелось домой. Я вдруг показалась себе совсем маленькой девочкой вдали от родных мест. Эта девочка все теряла и теряла: сначала мать, а теперь и сводного брата, дядю, весь свой мир.

Или не только теряла?

Я подумала тогда, что все зависит от того, как посмотреть. Взяв плеер, стала вертеть его в пальцах. Ночной сон и сосущее ощущение под ложечкой придали мне бодрости. Впервые за несколько дней прояснились мысли. Я тут в тепле, в безопасности, и, если верить электронному призраку отца, за мной место на звездном корабле. Я опасно дотронулась до шва на переборке. Холодный гладкий металл слабо вибрировал, и я тоже вздрогнула. Такой корабль стоит самое малое несколько миллионов.

Дверь напротив входа вела в тесную ванную, где я смыла под душем грязь и пыль последних дней. Завернувшись в пахнущее плесенью полотенце, я нашла свежестоптанное белье и аккуратно сложенный на нижней полке шкафа корабельный комбинезон. Одевалась я в спешке. Когда застегивала молнию на груди, взгляд упал на отцовскую кожаную куртку. Мне подумалось, не надеть ли ее. Но я тут же встряхнулась и полезла по трапу вверх в надежде добыть себе завтрак.

Ломакс ждала меня с пластиковыми чашками в обеих руках.

– Как ты себя чувствуешь?

Я сдержала зевоту.

– Намного лучше. Выспалась.

– Прослушала сообщение?

– Да.

Ломакс вручила одну чашку мне. В ней оказался кофе. Запах был намного ароматнее той коричневой жижи, что подавали в порту.

– Решила, что будешь делать?

Я нахмурилась:

– В смысле?

Чашка грела мне руки. От запаха бурчало в животе.

– Когда встретишься с отцом, что ты ему скажешь?

Я вдохнула парок и глотнула.

– Еще не знаю.

Под низким потолком в рубке «Тети Жиголо» было два поста управления с креслами среди множества экранов, табло и панелей. В воздухе плавали светящиеся точки объемной карты звездных окрестностей. Они смещались на глазах, как стрелка часов, крошечными рывками обозначая относительное передвижение корабля в гипере.

– Вот это – Редлум, – указала Ломакс на один огонек и провела пальцем к крошечной красной стрелочке, зависшей между звезд. – А мы здесь.

– Долго нам туда добираться?

– Еще примерно двое суток. – Она отпила из чашки точными птичьими движениями. – Времени познакомиться с кораблем вполне хватит.

Я коснулась спинки кресла-ложемента, казавшейся мне надежной опорой, но приборы вокруг были полны загадок и тайн. Как можно узнать такой огромный корабль за двое суток? Непостижимая металлическая машина с подвижными частями! Двигатели, способные проделывать дыру в ткани самой вселенной! Разве можно за столь короткий срок разобраться, как они работают? Я стиснула пальцами спинку кресла. Маленькая, белоголовая и разноглазая Корделия... Кто я: старьевщица или первый помощник космического капитана? Я понятия не имела, как ответить на этот вопрос, но, пока не разберусь, остальному придется подождать.

По металлическим коридорам «Тети Жиголо» разнесся сигнальный гудок. Паук с Гантом пристегнулись на постах управления. Я примостилась за их спинами на откидном сиденье.

– Десять секунд, – глухо предупредил Паук.

Эти два дня я почти не видела его. Он большей частью сидел у себя в каюте, слушал нестерпимо громкую музыку, вылезал только в камбуз за едой и голос подавал лишь по необходимости.

Гант – другое дело... С этим похожим на брюзливую лягушку существом я познакомилась вчера за завтраком, и с тех пор он был практически без умолку.

– Пять.

Корабль вздрогнул, закрепляя крылья, и взвихрил первым касанием двигателей горькую ткань гиперпространства. В клубящемся тумане образовалась воронка. Затем середина ее раздалась, порвалась, открыв круглое пятно черного, забрызганного звездами космоса.

– Крылья отключил, – доложил Гант. – Даю полную тягу.

«Тетя Жиголо» вздыбилась в потоке гипертечений, заставив меня вцепиться в сиденье. Гант сдвинул рычажок на панели, и я почувствовала, как изменилась вибрация палубы – перешла в басовитый рев, от которого внутри все задрожало, словно мне пальцем щекотали диафрагму.

Старый корабль медленно втискивался носом в око червоточины. Когда он целиком вошел в дыру, дрожь усилилась. Странные гравитационные эффекты трепали корпус, отчего в животе у меня крутило и подпрыгивало. Туманное пространство вцепилось в нас жадными пальцами, не желая выпускать добычу.

А потом мы оказались на той стороне.

Сначала все молчали. Я сидела, слушая, как скрипят выгибающиеся пластины корпуса, приспособляясь к новой физической реальности. Гант с Пауком провели полную проверку сетей, пробежались пальцами по всем экранам, убеждаясь, что филигранные настройки звездолета не пострадали. Когда за мной наконец пришла Ломакс, на ее тонких губах играла редкая улыбка. Она два дня показывала мне операционные и жизнеобеспечивающие системы видавшего виды корабля, от причальных зажимов и грузового люка до устройств терморегуляции и биопереработки отходов. Ника Мориарти мы, по негласному уговору, не упоминали.

– Поздравляю с успешным первым гиперпрыжком, – сказала мне Ломакс и неумело поклонилась. – Теперь ты наша.

Я озадаченно заморгала. Наша – это чья? Ломакс, Ганта, Брофа и Паука связывала только преданность Нику. Я совсем не так представляла себе команду – ни у кого на корабле, кажется, не было званий и определенных обязанностей, и, насколько я могла судить, они не слишком друг друга любили. Просто у них пока имелась общая цель и не было других вариантов, только и всего. Знать бы, что будет, когда придет моя очередь отдавать им приказы.

– Спасибо, наверное.

Гант, все так же скрючившись над приборами, буркнул что-то себе под нос. Ломакс предпочла не слышать. Она подтянула к себе экран, развернула так, чтобы мне было видно изображение.

– Добро пожаловать на Редлум.

На дисплее зрелым яблоком в черном космосе висела планета. В мировом океане распластались три сухих, рыжеватых континента.

Я склонилась поближе и прищурилась:

– Где тут космопорт?

Почему-то ожидала, что отсюда он предстанет растянувшимся по суше вроде опухоли.

Ломакс покачала головой.

– Причаливаем к орбитальному доку. – Она стукнула пальцем по экрану и выделила станцию на орбите. – Там твой отец.

– На станции?

– Да.

Чуть позже, вернувшись в каюту Ника, я наскребла в себе отваги реактивировать запись.

– Привет, – сказал он, приобретая кажущуюся плотность над крышкой кристалл-плеера. – Выглядишь гораздо лучше. Чище и не такая бледная. Сколько времени прошло?

– Два дня.

– Два дня?

– Я была занята.

По правде сказать, я нарочно тянула: испугалась бури взбаламученных чувств и опасалась новой боли. Мне уже было известно, как тяжело терять родителей, и не хотелось проходить через это заново, особенно сейчас, когда из-под ног выбили все, что представлялось надежной опорой.

– Ломакс показывала мне корабль.

Голограмма Ника, как и в прошлый раз, была одета в куртку, лежавшую теперь на кровати. Он сунул руки в карманы и глянул на меня из-под косматых бровей.

– Что скажешь?

«Тете Жиголо» исполнилось самое малое двести семьдесят лет. Она начинала кораблем-разведчиком, созданным для исследования новых миров, открывшихся перед вступившим во Множественность Рас человечеством. Теперь, по прошествии многих десятилетий, она стала частным торговым судном, пахала свистящую бездну между обжитыми мирами вокруг Интрузии, доставляла от одной звездной системы к другой пассажиров и грузы. Все детали в ней меняли и латали по дюжине раз, но корпус был еще цел, скелет прочен. Пусть она выглядела местами побитой и потрепанной, но за такой срок службы честно отработала каждую из своих царапин и вмятин.

– Рабочая лошадка, – ответила я.

Ник с озорством прищурил левый глаз.

– Ты про корабль или про Ломакс?

Я не смогла сдержать смеха.

– Про обеих.

Секунду мы делили одну ухмылку на двоих. Отвернувшись, я стала почесывать локоть. Не собиралась так ни перед кем открываться. От этого возникло неприятное чувство уязвимости.

– Хотелось бы знать, почему ты сейчас стал меня искать, – тихо сказала я. – Раньше я о тебе и не слышала, и вдруг выныриваешь откуда ни возьмись и осыпаешь подарками.

Ник замер на миг и поник.

– У тебя острый ум, – едва ли не с гордостью заявил он. – И ты права, это не просто так. Дело очень важное. – Он стал серьезным. – Корделия, мне действительно стыдно, что я тебя бросил, и хочется искупить вину.

– Правда?

– Честное скаутское. – Он втянул голову в плечи, словно желая спрятаться за меховым воротом куртки. – Кроме того, не думаю, что у нас с твоей матерью получилось бы. Слишком мы были разные. Ей не терпелось обзавестись хозяйством и жить, как все люди, а мне не сиделось на месте. Стоило провести пару месяцев дома, я начинал лезть на стенку. А мать была с характером. Видела бы ты, как она сверкала глазами, когда злилась. Попробуй мы жить вдвоем... думаю, поубивали бы друг друга.

Его слова звучали пустыми оправданиями, да, конечно, такими и были. Я сжала кулаки.

– А когда она умерла, что же ты меня не забрал?

Ник горестно покачал головой.

– Пока я узнал о ее смерти, вы уже жили с Калобом на другой тарелке. Я решил, что не стоит вмешиваться. Ты и без того нахлебалась. – Он поднял глаза. – Вот я и остался в стороне.

– Но помогать ты бы мог?

– Что сказать? – пожал плечами Ник. – Теперь же я здесь.

– Вот оно как? – возмутилась я; у меня горели щеки, краска заливала шею. – Ты таким способом хочешь загладить стыд за то, что бросил меня маленькую?

Ник опустил взгляд, смахнул невидимую пылинку с груди.

– Я пытаюсь устроить твою жизнь наилучшим образом, – понуро проговорил он.

– Устроить на свой манер! – взвилась я.

У него будто вся кожа на лице обвисла. Он упорно разглядывал руки.

– Тебе не нравится?

– Еще не решила.

– Послушай, – тяжело вздохнул он, – мне правда жаль, что меня не было рядом, когда ты росла. Не знаю, что еще сказать. Изменить прошлое не в моих силах. Остается только извиниться.

– Ты даже не подумал сам меня встретить.

Я помнила, что говорю не с ним. Когда увижу лично его, может, поведу себя иначе. А сейчас механизм позволял мне выплеснуть обиду и прорепетировать, что скажу ему настоящему.

– Ближе тебя у меня родных не было. – Ник кашлянул. – Послушай, я хочу тебе помочь. Только этого и хочу.

Кулаки мои то сжимались, то разжимались.

– А как насчет того, чего хочу я?

– Ты?

Этот вопрос его сбил. Обо мне он по большому счету и не думал.

Ник потерял мочку правого уха и снова кашлянул.

– Корделия, у тебя впереди совершенно новая жизнь.

Два часа спустя, когда «Тетя Жиголо» вошла в док орбитальной станции над Редлумом, я стояла с Ломакс у внутреннего люка. Гант был у кормила, но большую часть работы делал корабельный компьютер-пилот. Я, не знаю зачем, решила надеть кожаную куртку Ника. Почему-то показалось подходящим. Куртка была подбита какой-то «овчиной». На манжетах и воротнике белый мех торчал наружу, и мне было тепло и уютно. Уж всяко уютнее, чем в верной старой старательской парке, которую я швырнула на пол каюты. Ломакс, узрев меня в таком виде, шевельнула бровью, но промолчала.

За нашими спинами на автоматической грузовой платформе стоял артефакт, от которого Ломакс так не терпелось избавиться.

– На что это похоже? – спросила я. – В смысле, космическая станция.

Женщина посмотрела на меня сверху вниз.

– Там довольно строгие меры безопасности. Все оружие остается на корабле, что не слишком по душе Пауку. Ни плазменок, ни ножей, ни острых палок.

Я старалась дышать ровно. Последние двое суток я прожила, как в коконе, в гулких коридорах и каютах «Тети Жиголо», а за люком ждал совсем новый мир. Там уже не получится уговорить себя, что я еще где-то на тарелках. Все изменится навсегда. Я застегнула молнию до самого горла и с удовольствием вдохнула уютный запах куртки. В животе все тряслось, не знаю уж, от страха или от волнения. Альфа-тарелку я почти не помнила. Большую часть жизни провела за обследованием окраин древнего города на другой тарелке. Сейчас мне предстояло шагнуть совсем в другую жизнь в световых годах от всего и всех, что я знала раньше.

Следом за Ломакс я пролезла в люк «Тети Жиголо». Корабль стоял на посадочных опорах. Проходя через огромный ангар, я таращилась на все подряд. Док протянулся на несколько километров во все стороны. Под его высокими сводами стояли самые разные звездолеты: от маленьких одноместных разведчиков до толстопузых грузовозов. Я заслоняла глаза от вспышек сварки, в ушах грохотало и лязгало, звенела переключка механиков и докеров; ноздри вздрагивали от крепкого запаха пролитого углеродного топлива и машинной смазки, которой тут не жалели.

А люди!

Я тащилась за Ломакс, то и дело поражаясь здешней моде. На Второй городской жили просто, одевались по-деловому, в теплую и носкую одежду, не думая об украшениях и стиле. Я даже в новом комбинезоне и кожаной куртке чувствовала себя замарашкой рядом с пассажирами лайнеров и яхт, мимо которых мы проходили. Мужчины и женщины в строгих, хорошо пошитых костюмах, в цветных свободных шелковых платьях, в ярко раскрашенных скафандрах. А каких только причесок здесь не было – от разноцветных ирокезов до копны дредов! И тела обработаны косметологами на такой манер, какого я и вообразить не могла. С кораблей сходил самый разный народ: кто высокий и бледный, как привидение, с мечтательным, «за

тысячу миль отсюда», взглядом, кто приземистый работяга с шестью, если не больше, конечностями и еще гнездами для инструментов на каждом суставе и костяшке.

Наконец мы вышли к эстакаде, спускавшейся на другой уровень. Здесь нас обработала на компьютере и просканировала охрана, после чего пропустила в основную часть станции, и мы оказались на широком балконе над многоэтажным рынком: сплошь магазинчики да ларьки.

Переводя дыхание, я навалилась на перила.

– Ты как? – спросила Ломакс.

Внизу пестрели толпы покупателей. Никогда я не видела столько народу разом, а стили одежды, виды тел и оттенки кожи сшибались у меня в голове и никак не могли улечься.

– Какая здесь... суета.

Ломакс двумя руками сжала перила и бросила взгляд на публику.

– Вот тебе Редлум. Мы называем его перекрестком. Здесь сходятся все звездные пути, корабли прилетают со всех сторон. Удобная стартовая точка, пересечение нескольких важных маршрутов. – Она покосилась на меня. – И конечно, множество народу через Редлум направляется посмотреть Интрузию.

Я нащупала в кармане и зажала в кулаке кристалл, хранивший личность моего отца.

– Где он?

Ломакс большим пальцем ткнула в сторону самоходного поддона. Захватить кристалл с собой посоветовала она – не знаю зачем.

– Нам прежде надо сделать дело.

Мы на лифте спустились на дно рынка. В открывшуюся дверь волной ворвались гомон и шум. Меня осаждали незнакомые запахи. На языке ощущался привкус цветов, жареного мяса и нагретого пластика. Между прилавками выступали жонглеры и глотатели огня. В воздухе манящими миражами висела голографическая реклама. Я видела прилавки с горами ярких плодов и специй, с причудливыми нарядами, с мыслимыми и немыслимыми электронными гаджетами, и над всем этим – оглушительная, нестройная какофония человеческих и нечеловеческих голосов.

Тесса Ломакс каким-то чудом находила дорогу в этом столпотворении. Она уверенно шла сквозь толпу, и я торопилась не отстать. Мне еще не доводилось пробиваться сквозь такую плотную массу тел, и я боялась навеки потеряться, если оторвусь от этой женщины. Без денег и документов мне оставалось надеяться только на нее.

Оттоптав множество ног и наткнувшись на множество острых локтей, мы оказались наконец под вывеской конторы по скупке-продаже инопланетных древностей.

– Пришли, – сказала Ломакс и толкнула дверь.

Прозвенел колокольчик. За дверью открылась голая утилитарная приемная, освещенная одной полоской и застеленная самым дешевым и вытоптанном травяным ковром. Из-за стеклянной перегородки в глубине зала на нас смотрел мужчина.

– Чем могу служить, прекрасные дамы?

У него был густой хлюпающий акцент и отвислые небритые брыли. Глубоко сидящие глазки смотрели остро и расчетливо.

– Привет, Хагвуд.

– Госпожа Ломакс? – кивнул мужчина и театральным жестом протер глаза. – Неужто вы? Я и не чаял...

Ломакс подошла к перегородке и стукнула по стеклу так, что он подскочил.

– Мы здесь.

Хагвуд месил, как тесто, свои мучнистые ладони. И язык у него, похоже, не укладывался за зубами.

– Товар при вас?

– Разумеется, – пожала плечами Ломакс, – в нашем трюме.

– Могу ли я его увидеть?

Она погрозила пальцем:

– Не раньше, чем исполнишь свои обязательства по договору.

Мужчина недовольно поджал губы.

– Я договаривался с Мориарти. – Голос его стал тонко присвистывать, словно проходил сквозь полую трубочку. – Где Мориарти?

– Ник занят. Мы заберем его, как только закончим здесь. – Ломакс сумела сохранить непроницаемое лицо и ровный тон.

– Тогда, боюсь, сделка отменяется.

– Ничего подобного, – заявила она и поманила меня подойти ближе. – Это дочь Мориарти.

– И что?

– У нее на кристалле схема сознания Ника, и она уполномочена представлять его.

Это было для меня новостью. Тем не менее я постаралась уверенно встретить оценивающий взгляд Хагвуда.

– Нет, не могу, – нутужно мотнул он головой, и брыли затряслись. – Я торгую с Ником и ни с кем другим.

Ломакс снова ударила ладонью по стеклу.

– Мне что, захватить его и привезти обратно, чтобы он тебе мозги вправил?

И это не совсем убедило Хагвуда.

– Это не разговор. – Он обкусанными ногтями теребил редкую прядку зачесанных ото лба волос. – Я не знаю, можно ли тебе верить. Мне, признаюсь, не первый раз расставляют ловушки.

Ломакс запустила руку в карман, достала распечатку и прижала к стеклу, чтобы мужчина мог рассмотреть.

– Это артефакт.

Хагвуд подался вперед, блестя свинными глазками.

– Любопытно. – Он прошелся языком по губам. – Его достоинства?

Ломакс отняла лист, бережно сложила и убрала в карман комбинезона.

– Мне-то какая разница? Однако он здесь, и он твой. Стоит тебе только расплатиться.

Хагвуд потер подбородок:

– Не знаю...

Она еще раз шлепнула по стеклу, и на этот раз я подскочила вместе с Хагвудом.

– Если надеешься выжать что-то еще, даром время тратишь. – Голос Ломакс выбрал в себя всю теплоту и мягкость льда. – Я, так или иначе, сгружаю эту штуковину. Хочешь – бери, а нет – я ее скину в гипере после старта. Выбор за тобой. – Она скрестила руки. – Ну? Я знаю, что у тебя уже есть на нее покупатель, так что да или нет?

Несколько секунд мужчина глазел на нее, разинув рот и возмущенно двигая челюстью, и наконец выдавил жирный мягкий смешок.

– Прекрасно, просто прекрасно. – Он принялся потирать ладони. – Ты, милая, все так же крепко торгуешься.

Ломакс фыркнула, презирая его комплименты.

– А ты, Хагвуд, все тот же старый мошенник. Ну, берешь или нам искать другого покупателя?

Заклучив сделку, мы снова отправились сквозь толпу на поиски отца. Сумму, какую Хагвуд перевел на счет Ломакс, я за всю свою жизнь не видала. По меркам Второй городской тарелки – целое состояние. Я впервые оценила, какие возможности открывает корабль вроде «Тети Жиголо».

Часть вторая Сейчас

*...Праведник кроткий неистовствует
посреди пустынь и средь диких львов².
Уильям Блейк. Бракосочетание Рая и Ада*

3

Сал Констанц

– Может, я не слишком вовремя, – сказала «Злая Собака», – но у меня для тебя сообщение.

Я сидела на краю койки, крутила в руках бейсболку. Сидела уже довольно давно, вслушиваясь в знакомое поскрипывание корпуса, – корабль раздвигал носом туманный занавес гиперпространства.

– Что за сообщение?

– Велено было вручить тебе после выполнения задания и благополучного возвращения, – поморщилась аватара. – Но непохоже, что мы в ближайшее время попадем домой, и я считаю, лучше передать сразу.

– От кого?

– От Альвы Клэй.

У меня запнулось сердце.

– От Альвы?

– Она доверила его мне на условии, что я озвучу после ее смерти.

Я перевела дыхание. Руки ломали козырек кепки. Я открыла рот, но, оказывается, разучилась говорить – получилось какое-то карканье.

– Воспроизвести? – спросила «Злая Собака».

Она выбрала на сей раз черный костюм с белой рубашкой и черным галстуком. Так она, очевидно, представляла себе официальный вид. Я, поднявшись, прошла к шкафу, где держала бутылку денебского джина и крошечную чашечку. Налила себе солидную порцию розового наркотика, сделала глоток и вздрогнула, когда напиток наждаком прошелся по пищеводу.

– Давай.

– Ты уверена? Если это слишком болезненное переживание, я могу очистить файл.

– Включай.

Экран растворился, опустел. Когда вернулось изображение, у меня внутри все оборвалось. Альва смотрела на меня. Она сидела в своей каюте, подвязав дреды красной банданой, и татуировки на ее руках будто извивались в лучах верхнего света.

– Привет. – Она затянулась трубочкой с барракудовой травкой. Голубой дымок заслонил лицо. – Раз ты это смотришь, я, надо думать, мертва. – Она прокашлялась и отвела взгляд от камеры, словно застеснялась и не хотела смотреть мне в глаза даже с такой дали. – Я видела, как тебя перепახала смерть Джорджа, и знаю, что от меня ты помощи не дождалась, я сама тебя винила. Заткнись – так и было. Но с тех пор, знаешь ли, мы стали ближе. – Она вытрясла пепел в пластиковую чашечку. – Тебе известно, как у нас теперь. И мне не хочется, чтобы ты опять так мучилась. Только не из-за меня. Поэтому я записываю это сообщение и оставляю его

² Перевод А. Сергеева.

у «Собаки», чтобы сказать тебе: что бы ни случилось, это не твоя вина. По моему счету на тебе долгов нет. – Она снова затянулась. – Я в команде, потому что верю в наше дело. И ты, по моему, тоже веришь. Так что не трави себе душу. Я могла погибнуть еще тогда, в джунглях. Каждый день после того был мне в подарок, и твоя дружба – далеко не в последнюю очередь, даже если со мной не всегда было легко.

Внезапная улыбка на ее лице была неожиданной и прекрасной, как летняя молния.

– Так что крепись, девочка. – Она вдохнула последний дым из трубки и выбила ее в кофейную чашку. – Ты сама не знаешь, какая ты сильная. Что бы ни случилось, я уверена, ты справишься.

Она потянулась к камере, как если бы хотела отключить запись, но задержала руку. Взгляд, уставленный в столик перед ней, метнулся вверх, и я дернулась, встретившись сквозь экран с ее глазами.

– Мне только жаль, что меня нет рядом, чтобы тебе помочь, – сказала Альва.

Я все плакала и плакала: выворачивалась наизнанку, изливая в рыданиях потерю, вину, прощение и любовь. «Злая Собака» стояла и смотрела. Наконец, где-то через полчаса, когда я выплакала большую часть горя, она сказала:

– Не понимаю, зачем вы с собой так обращаетесь.

Я вытерла нос рукавом.

– Как?

– Воскрешаете мучительные воспоминания. Посылаете друг другу письма из могилы. Разве мало сознавать, что случилось что-то плохое, и непременно надо ворошить прошлое?

Я проглотила новые слезы и хлюпнула носом. Она не виновата, что не понимает.

– Люди по-другому запрограммированы, – объяснила я. – Мы живем в прошлом, как бы это ни было больно, потому что рано или поздно нам всем предстоит уйти.

Аватара приняла задумчивый вид.

– Но ведь рано или поздно умирают все. Нам следует почтить их деяния и идти дальше.

– Не всегда это так легко. Бывает, что мы не готовы идти дальше.

– Почему?

– Трудно объяснить. – Я подумала о погибших родителях в обломках разбитого корабля-разведчика. – Пока мы кого-то помним, носим в памяти и сердце их образ и слова, они для нас как будто живы.

– И вы выбираете память вместо успокоения?

– Пожалуй, можно и так сказать.

– Может быть, и я этому со временем научусь.

– Не слишком спеши.

– Почему?

– Потому что в чем-то я тебе завидую.

«Злая Собака» приняла удивленный вид.

– Завидуешь?

Я потеряла себе загибок и грустно улыбнулась.

– Ты не знаешь, что такое разбитое сердце.

На миг ее лицо выразило почти нестерпимую жалость, а потом резко переменилось, стало совершенно деловым.

– Принимаю шум двигателей, – сообщила она. – Два корабля на курсе сближения.

Я села прямо.

– Они нас видят?

– Ответ отрицательный. Следуя текущему курсу, они пройдут в ста тысячах километров у нас за кормой.

– Из Мраморной армады?

Я вытерла глаза тыльной стороной ладони. При мысли о кинжалоподобных истребителях в такой дали от пределов человеческого космоса мурашки поползли по коже.

– Нет, это гражданские суда.

– Человеческие?

– По всей вероятности, да.

Я втянула носом последние слезы.

– Значит, беженцы, такие же, как мы. Может, стоит поздороваться?

«Злая Собака» прищурилась.

– Обозначая себя, мы значительно рискуем.

Я высморкалась в рукав.

– А вдруг у них найдутся запасные топливные стержни?

– Хм-м... – Она побарабанила пальцами по подбородку. – Это мысль.

– И еще можно попросить, чтобы «Адалвольф» себя не выдавал. Гражданские вряд ли его высмотрят. А он мог бы не спускать с них глаз.

– Возможно, это разумно.

– Ну и ладно.

Я вызвала тактический дисплей и оценила наши относительные позиции. Те корабли шли в нормальном пространстве, возможно подзаряжая двигатели перед новым прыжком в высшие измерения.

– Дождись максимального сближения и вызывай их.

– Есть, капитан. Через две минуты.

За это время я выправила козырек, плеснула водой в лицо и, как смогла, почистила комбинезон.

«Собака», чьи датчики загружались входящими данными, делилась со мной новыми сведениями по приближающимся кораблям. Судя по всему, один был торговец класса «предприниматель» – угловатый, словно собранный из конструктора, с огромными дюзами и раскрашен оранжевым по серому. Второй, разведчик класса «педант», рядом с ним казался малюткой, да и был всего лишь облепленной датчиками и наблюдательной аппаратурой жилой сферой, навьюченной на движок. А если посмотреть, как заикались их двигатели, оба нуждались в ремонте и техобслуживании.

– Даю связь.

– Спасибо. – Я откашлялась. – Вниманию гражданских судов. Я капитан Констанц, Дом Возврата. Помощь нужна?

Ответ дошел до нас через несколько секунд, и за эти секунды мне представилось, как замарала штаны команда, когда в относительной близости обнаружился вдруг тяжелый крейсер.

Экран осветился, на нем возникло ошарашенное лицо мужчины средних лет.

– Капитан Констанц, какая удача! Я доктор Хью с разведчика «Безудержное любопытство». Направлялись от альфы Центавра к Интрузии, когда дома черти с цепи сорвались.

– Кто с вами?

– Это вольный торговец «Северянин» из Нью-Гордано. Только он поврежден. Прием есть, но передатчик отказал, а наши принтеры не производят нужных деталей.

– С этим я наверняка смогу помочь.

Хью погладил блестящую лысину ладонью.

– Благодарю, капитан. Вы не представляете, как мы рады вас видеть.

– Всегда пожалуйста. Спасение страждущих и заблудших – наша работа.

– Вы, как я вижу, и сами побывали в переделке.

– Свою порцию получили.

– Мы чем-то можем вам помочь?
– Нет, если только у вас не завалилось топливных стержней военной модели.
– Боюсь, что нет. – Хью поджал губы. – Но примерно в шести световых отсюда есть, как выражается капитан «Северянина», кладбище. Мы надеялись найти там новый передатчик. Может быть, если вы нас туда проводите, там и для вас найдется нужное?

Шульцу одолжили спортивный костюм цвета хаки. Капитан давно не причесывался и основательно оброс щетиной.

– Чем могу быть полезен?
– Мы направляемся к кладбищу. – Я открыла тактическую сеть с трехмерным изображением ближайших галактик и указала звезду на внешней периферии Общности. – По словам Люси, вам эти места знакомы.

Шульц потер загривок. Он прежде зарабатывал на жизнь, подбирая обломки войны Архипелаго.

– Угу.
– Нельзя ли поподробнее?
– Местные называют свою систему Переменной, – сказал он. – Лежит на границе пространства скакунов.

– Это я вижу.
Шульц устался на носки своих ботинок.
– Мы иногда продавали там старье.
Аватара «Злой Собаки» нахмурилась с экрана.
– Я слышала о подобных местах, – заявила она. – Не одобряю.
– Да, это вроде как незаконно, – застенчиво улыбнулся Шульц. – Зато весьма доходно.
«Злую Собаку» он не убедил.
– Мое неодобрение не относится к вопросам легальности или прибыльности. Я возражаю против мародеров, которые сдают моих падших соратников мясникам на разделку и распродают.

Шульц выпятил подбородок.
– Это я-то мародер?
Глаза «Злой Собаки» вспыхнули угольями.
– А ты как думал?
– Эй! – Я встала между ними, не давая разгореться склоке. – Нельзя ли вернуться к насущным вопросам?

Оба сверлили меня взглядами. Я ответила тем же.
– Там можно купить топливные стержни?
– Не исключено, – ответил Шульц, подчеркнуто игнорируя «Злую Собаку». – Переменная – не официальный космопорт, но старых звездолетов на ней до черта.

– Как в музее?
– Скорее, как на бойне, – не сумела скрыть отвращения «Злая Собака», но хоть глаза у нее остыли до нормы. – Почему, ты думаешь, ее называют кладбищем? Все расы Множественности веками сваливали туда свои корабли. Неисправные, устаревших моделей, зачумленные. Местные добывают с них стройматериалы и электронику. – Выражением лица она ясно дала понять, что об этом думает. – Все же, как мне ни больно это признать, господин Шульц прав – заряженные стержни там, вероятно, найдутся.

Я разглядывала карту.
– Но это уже на краю Общности. В зоне досягаемости Мраморной армады. Есть риск. Ничего другого в окрестностях не найдется?
– Боюсь, что нет.

– Тогда не вижу выбора. – Я развалилась, задрала ноги в ботинках на панель, скрестила лодыжки. – Свяжись с гражданскими и веди всю компанию к Переменной.

Два «хищника» заняли места, нацелив носы параллельно гражданским судам – к нужной нам звезде. Когда они закончили разворот, все четверо начали ускоряться. Перегретая плазма с рычанием рвалась из дюзов, поглотители инерции, защищавшие людей от перегрузки, взвизгивали от натуги. Я, все еще сидя с вытянутыми на панели ногами в рубке «Злой Собаки», ухмыльнулась. Мне, как старшему офицеру маленькой флотилии, причитался теперь ранг коммодора. Не то чтобы чины для меня что-то значили. Просто я сознавала, что сейчас родители мной бы гордились. В детстве я была не из прилежных учениц, и наверняка им случалось разубедиться, что я когда-нибудь стану достойной своей прапрабабки Софии Никитас, бежавшей с умирающей Земли, чтобы основать Дом Возврата.

Наверное, нехорошо гордиться ничего не значащим повышением в чине, когда на голову рушатся осколки межзвездной цивилизации. Но, кроме «Злой Собаки» и этой маленькой победы, у меня ничего не было. Все остальное вырвали из рук.

На экране появилась аватара «Адалвольфа»: как обычно, стройного и бледного, с копной черных волос и горящими солнцами глаз.

– Привет, коммодор, – склонил он голову, а подняв глаза, добавил: – Прежде чем мы прыгнем, я хотел бы обсудить один небольшой вопрос.

– Что-то не так?

– Нет, совсем нет. Просто я подумал о соответствующем обозначении и хотел бы сменить имя. – Он пожал плечами. – В конце концов, флота Конгломерата больше не существует, а мое название несет отпечаток дурной репутации. В будущем это может стать препятствием в отношениях с любыми людьми и кораблями, с которыми мы столкнемся.

– Как нам тогда называть тебя?

– Я бы взял идентификацию «Кающегося грешника» – судна Дома Возврата.

– Ты ведь понимаешь, что Дома, возможно, уже не существует?

– Тем не менее.

– Ну что ж, хорошо. Пусть маленький драфф перенастроит тебе транспондер и нанесет соответствующие опознавательные знаки.

Его аватара снова поклонилась:

– Благодарю, коммодор.

– Рада помочь.

Я надеялась, что корабль не кривил душой. Как «Адалвольф», он был не из совестливых и до заключения нашего хрупкого союза даже дрался со мной в Галерее. Хорошо, если смена имени означает и более глубокие изменения в душе. «Злая Собака» тоже натворила ужасов, прежде чем отрастила совесть и стала тем, кто она теперь, так что мне приходилось толковать сомнение в пользу ее брата.

– А сейчас набирай ход, – приказала я, – встретимся на Переменной. И немедленно сообщай в случае обнаружения в гиперле любых необычных явлений. – Я пальцем коснулась козырька бейсболки. – Констанц. Конец связи.

Я проследила, как новоявленный «Кающийся грешник» уходит в темноту – выхлоп дюзов пылал запертой в клетку новой звездой. Неужели мы с ним – и вправду все, что осталось от Дома Возврата? Я стиснула челюсти. Почему-то первое, о чем подумалось: я не попаду на общую встречу Дома, где раз в пять лет собирались тысяча кораблей и экипажей, делились рассказами, познаниями и генетическим материалом. Девять месяцев спустя рождалось немало детей, но оно и к лучшему. Вливание свежей крови никому еще не вредило.

Неужели всему конец? И все те корабли и люди уже мертвы? И если Дом рухнул, что мы теперь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.